

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 10. Часть 2

(№51)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2021

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60х84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 6,125

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., заместитель полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе, доктор философских наук, член Союза писателей России.

Фабио Баджо, Директор Международного института миграции Скалабрини Папского Урбанианского Университета.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологи, начальник отдела воспитательной работы и молодежной политики СПбГАУ.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующий Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт. Великобритания.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, профессор, декан факультета международного регионоведения и регионального управления ИГСУ, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Матушанская Ю.Г., доктор философских наук, доцент по кафедре философии, профессор кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, профессор кафедры религиоведения (КФУ).

Поканинова Е.Б., доктор философских наук, действительный член РАЕН, кандидат социологических наук.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Туманян Т.Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Хрипкова Е.А., кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства, факультет истории искусства, РГГУ.

Чжан Вэй, КНР.

Ячин С.Е., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ДВФУ, Владивосток.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 10. Issue 2 (№51)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2021

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces,
constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of
the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal
abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and
far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only
beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the
scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and
open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free
access to all publications, unless the contract with the author presupposes other condi-
tions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in
case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chairman of the Editorial Board

Fabio Bodjo, Director of the International Institute for Migration “Scalabrini” of Pontifical Urban University.

Zyazikov M.M., Deputy Presidential Envoy in the Central Federal District, Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers’ Union of Russia.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Culture Studies, Head of the Department of Education and Youth Politics at St. Petersburg Agrarian University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People’s Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Hripkova E.A., Candidate of History of Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Russian State Humanitarian University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, Dean of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Matushanskaya Y.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor in the Department of Philosophy, Associate Professor of Depart-

ment of Philosophy and Science History, Professor of the Department of Religious Studies.

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

<i>Li Linsong, Alekseev-Apreksin A.M.</i> The phenomenon of cyberbuddism in modern China.....	160
<i>Tsyden-Yeshieva B.V.</i> Islam and Islamism. The problems of perception in contemporary society.....	167

CULTURAL STUDIES

<i>Miao Hui, Zhang Yangyang</i> The image of the dragon in the works of Vsevolod Ivanov and Arseny Nesmelov.....	177
<i>Li Zhuowei</i> Matryoshka in China.....	184
<i>Peng Yongtao</i> Substantiation of the theory of the relationship between the author and the hero M.M. Bakhtina.....	188
<i>Fu Zhongfeng, Xie Hui</i> To the question of the cultural value of studying the peculiarities of producing and decorating the suit by the representatives of the little ethnic forest hunters of the Amur river basin.....	197
<i>Cui Jiawen</i> Sun Yat-sen's concept of national and cultural identities.....	203

PHILOSOPHY, SOCIOLOGY: ACTUALITY AND INNOVATION

<i>Korkiya E.D.</i> Sociocultural transformations of society as a precondition for loneliness of the older generation.....	211
<i>Lobanova E.I., Yaroslavskaya I.I., Gerasimenko T.L., Kovalchuk S.V.</i> Linguocultural aspect of communication in the modern world of globalisation.....	218
<i>Rudenko A.V.</i> The problem of the "Other" from the standpoint of modern philosophical schools.....	224
<i>Ternovaya L.O.</i> Destruction of temples: barbarism, robbery or competition.....	229

<i>Abstracts</i>	238
<i>Authors</i>	245

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

<i>Ли Линьсун, Алексеев-Апраксин А.М.</i> Феномен кибербуддизма в современном Китае.....	160
<i>Цыден-Ешиева Б.В.</i> Ислам и Исламизм. Проблемы восприятия понятий в современном мире.....	167

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Мяо Хуэй, Чжан Янъян</i> Образ дракона в творчестве Всеволода Иванова и Арсения Несмелова.....	177
<i>Ли Чжуовэй</i> Матрешка в Китае.....	184
<i>Пэн Юнтао</i> Обоснование теории взаимоотношений автора и героя М.М. Бахтина.....	188
<i>Фу Чжунфэн, Сей Хуэй</i> К вопросу о культурной ценности изучения особенностей изготовления и оформления костюма представителями малого этноса лесных охотников бассейна реки Амур.....	197
<i>Цуй Цзявэнь</i> Концепция национальной и культурной идентичностей Сунь Ятсена.....	203

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ

<i>Коркия Э.Д.</i> Социокультурные трансформации общества как предпосылки одиночества старшего поколения.....	211
<i>Лобанова Е.И., Ярославская И.И.,</i> <i>Герасименко Т.Л., Ковальчук С.В.</i> Лингвокультурологический аспект коммуникации в современном мире глобализации.....	218
<i>Руденко А.В.</i> Проблема «Другого» с позиций современных философских школ.....	224
<i>Терновая Л.О.</i> Разрушение храмов: варварство, разбой или конкуренция.....	229
<i>Аннотации</i>	241
<i>Авторы</i>	246

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «**Миссия конфессий**»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта

**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Ли Линьсун

Магистр, аспирант. Институт философии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Алексеев-Апраксин А.М.

Доктор культурологии, профессор ЮНЕСКО кафедры компаративных
исследований духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога,
доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики
Санкт-Петербургского государственного университета.

Феномен кибербуддизма в современном Китае*

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ распространения религии буддизма в киберпространстве. Автором приводится краткая характеристика современных сообществ монахов, которые используют информационных технологии для распространения знаний за пределами Китая. В статье также акцентировано внимание на социальных сетях, которые предоставляют возможность делиться религиозными текстами, проводить служения, давать лекции и т. д. Примеры блогов известных в Китае буддистов предоставить возможность сделать вывод о том, что религия и технология не существуют как разные сферы знания и опыта.

Ключевые слова: Китай, кибербуддизм, религия, информационные технологии, социальные сети, паломничество.

Li Linsong

Master's degree, postgraduate student. Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.

Alekseev-Apreksin A.M.

Doctor of Cultural Studies, Professor of UNESCO Department of Comparative Studies
of Spiritual Traditions, Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue,
Associate Professor of the Department of Cultural Studies,
Philosophy of Culture and Aesthetics. Saint Petersburg State University.

The phenomenon of cyberbuddism in modern China

Abstract. The article represents an analysis of the spread of the Buddhist religion in cyberspace. The author provides a brief description of modern communities of monks who use information technology to spread knowledge outside of China. The article also focuses on social networks, which provide an opportunity to share religious texts, hold services, give lectures, etc. Examples of blogs of famous Buddhists in China provide an opportunity to conclude that religion and technology do not exist as different spheres of knowledge and experience.

Key words: China, cyber-Buddhism, religion, information technology, social networks, pilgrimage.

* © Ли Линьсун, Алексеев-Апраксин А.М., 2021.
Феномен кибербуддизма в современном Китае

Китайский буддизм прошел долгий путь с тех пор, как Дэн Сяопин внес радикальные изменения в экономическую политику в 1978 году. Хотя рост протестантских церквей представляет собой одно из самых драматических событий в религиозной сфере Китая, распространение буддизма не менее примечательно и заслуживает внимания, в частности из-за широкого распространения сети Интернет, которая в настоящее время является частью жизни каждого человека. Соответственно, буддизму была необходима трансформация для его актуализации в век высоких технологий. Считается, что буддийские жизни опосредуются постоянно растущим потоком информации, ведением блогов и постоянным взаимодействием с платформой социальных сетей WeChat на базе смартфонов.

Цель настоящей статьи – рассмотреть распространение идей буддизма посредством использования информационных технологий и сети Интернет.

«Гора Света Будды» на Тайване, одна из крупнейших и богатейших организаций китайского буддийского общества, постоянно расширяет свое присутствие в киберпространстве. Его постоянно расширяющаяся деятельность опосредуется использованием информационных технологий и современных смартфонов: QR-коды, которые можно отсканировать, предоставляются как в самих приложениях, так и на физических объектах, что позволяет пользователям легко получить необходимую информацию о деятельности «Горы Света Будды» [10, с. 160]. «Киберхрамы» организации, хотя и тесно связаны с физическими объектами в Гаосюне, неизбежно выходят за их пределы. Можно совершить виртуальную экскурсию по монастырской тер-

ритории и посмотреть видеоролики, в которых показаны старые фотографии и описана символика архитектуры. Пытаясь имитировать реальный опыт посещения, зрители входят в храм через Горные ворота, слушая закадровый комментарий харизматичного лидера и основателя «Горы Света Будды», Мастера Син Юня. Геомант и инженер, а также монах, во имя которого за последние три десятилетия были созданы тысячи цифровых религиозных товаров, превозносит роль буддизма в современных китайских обществах. В повествовании об искуплении и преодолении личной и религиозной катастрофы он рассказывает об успешном переселении буддистов с материка на Тайвань и весь остальной мир, а также о важности современных технологий в области распространения идей буддизма [7, с. 121]. Здесь как преданные практики, так и случайные посетители могут погрузиться в виртуальное прошлое и познать тайны религии. Киберпространство позволяет буддистам проповедовать и обращать заинтересованных лиц в свою веру. Таким образом, кибербуддизм предлагает несколько каналов коммуникации, которые предоставляют возможность дискурсивного взаимодействия людей, что помогает распространению религиозных знаний.

Современные буддисты используют все виды устройств: портативных, носимых и электронных для того, чтобы «бросить вызов дискретным представлениям о материальности, создавая новое представление о религии посредством коммодификации и культуры потребления» [7, с. 123]. Таким образом, кибербуддизм и вдохновленные им технокультуры следует понимать в контексте теории, которая более глубоко объясняет человеческую социализа-

цию через посредничество всех видов и позволяет связать существующие реалии буддизма с его собственной историей. Более того, религиозный опыт практиков не имел бы смысла вне более широкого повествования о спасении, осмыслении и формировании человека как личности. В этом отношении цифровые хранилища Священных Писаний, например, позволяют всего за несколько «кликов» получить доступ к обширной библиотеке китайского буддийского канона [1, с. 88]. Именно поэтому цифровая информация больше не является бестелесной и призрачной; киберпространство дает возможность ведения жизни, вдохновленной буддизмом, проведения ритуалов, самосовершенствования и т. д. Можно даже сказать, что буддизм — это религия, повсеместно пронизывающая личную, социальную и экономическую жизнь. Если она проходит через смартфоны и социальные сети, то и сама практика буддизма не может проводиться независимо от средств массовой информации, которые поощряют обмен изображениями и текстами как часть более крупного религиозного учения. Кибербуддизм обладает социальными характеристиками, то постоянные потоки вдохновленных буддизмом «моментов» и призыв вести «буддийскую жизнь» одинаково обеспечивают священнослужителей и буддистов необходимой информацией в соответствии с их индивидуальными потребностями [9, с. 43]. Буддийские технокультуры китайского мира глубоко вкладываются в совместное использование: в синестетическом мире кибербуддизма субъективность интегрирует технологии и медиа-инновации в свою повседневную религиозную практику.

Исторически перед буддийской монашеской общиной стояла задача

посредничества, сохранения и распространения дхармы, а совместное ежедневное чтение, ритуальное создание и распространение текстов рассматриваются как благочестивая и достойная уважения деятельность. В средневековом Китае и на протяжении многих столетий буддийские «библиотеки» в значительной степени способствовали развитию технологии печати и распространению текстов. Для современных практиков, благодаря Китайской буддийской ассоциации электронных текстов, сосуществование печатной и цифровой информации является реальностью [6, с. 28]. Интернет-проект «Дуньхуан» дополнительно иллюстрирует возможности глобализированных буддийских технокультур. Так, накопление общих религиозных заслуг, связанных с воспроизведением буддийских писаний, теперь вступило в цифровую эпоху. Практикующие могут участвовать в создании цифровых объектов и передавать свои накопленные религиозные заслуги в сеть Интернет. Таким образом, буддийская сотериология воссоздается с помощью механики цифровых технологий.

Так называемые «технокультуры» описываются как социальные группы и модели поведения, характеризующиеся творческими стратегиями адаптации общества современных технологий [3, с. 8]. Использование электронных носителей, а также формирование и широкое распространение буддийских знаний в форме «электронных писаний» предполагает переход от их обмена в рамках конкретной религиозной общины к более широкому распространению. Буддийская технокультура глубоко закладывается в совместное использование всеми членами общества. Еще в 1966 году руководитель всемирной буд-

дийской организации «Цзу Чи», харизматическая выдающаяся монахиня Ченг Йен, открыла банк «Bamboo» для управления пожертвованиями в ее организацию [16, с. 15]. Сегодня люди могут перевести деньги со своих мобильных телефонов, просто нажав на экран и выбрав сумму, которую они хотели бы пожертвовать. Приложение связано с кредитной картой пользователя и позволяет делать переводы на крупные суммы. Помимо помощи в пожертвованиях, приложение дает доступ к назидательным историям из жизни и сборнику афоризмов харизматичной буддийской монахини.

Кибербуддизм настоящее время находится на подъеме. Он является транслокальным и транснациональным феноменом, в котором члены небольших китайских общин столь же активны, как и представители буддийских конфессий, расположенных на Тайване, включая «Гору Дхарма» и «Гору Света Будды». Другая организация, «Фонд Woodenfish», транснациональное светское образовательное движение, основанное жительницей Пекина, уроженкой Тайваня и получившей образование в Йельском университете, монахиней Ифой, соединяет Нью-Йорк, Пекин и Тайвань. В Китае буддийские чаты и доски объявлений, связанные с местными социальными веб-сайтами, такими как Xicihutong, используются с начала 2000-х годов [15, с. 52]. Городские жители, родившиеся в конце 1970-х, 1980-х и 1990-х годах, по-прежнему используют их, несмотря на быстрое развитие технологий: буддийские блоги получили распространение в 2004 году, а в 2005 году появилась социальная сеть с возможностью общения в чате Renren. Weibo, платформа микроблогов с мультимедийными возможностями, была

запущена в 2009 году и прочно вошла в жизнь каждого китайца.

В то время как смартфоны и другие технологии обладают четкими социализирующими функциями, их коммуникативные возможности могут поддерживать общение между людьми и помогать им укреплять личные связи. Возможность использования социальных сетей для одновременного взаимодействия с разными аудиториями может быть мощным инструментом для отдельных священнослужителей и религиозных организаций. Они играют важную роль в продвижении и возрождении китайского буддизма. Буддисты в восторге от создания гипермедийных «сокровищ дхармы», красиво упакованных и изготовленных DVD-дисков и MP3-плееров, сделанных в форме деревянной рыбы. Они содержат учения и лекции по дхарме, которые все любят и которым поклоняются [4, с. 68]. Юные монахи посещают онлайн-конференции и подобные мероприятия в Китае вместе со своим наставником для того, чтобы распространять буддистские учения. Многие ученики Чуаньси впервые увидели своего учителя на видео, размещенном в Интернете [15, с. 58]. Позже просмотр DVD-диска с его беседами о Дхарме привел к обращению многих людей, заинтересованных в буддизме.

Социальные сети - прекрасный инструмент для священнослужителей, поскольку их можно использовать для развития связи с другими буддистами и чувства религиозного братства. Молодые монахи, окончившие буддийские институты Китая, очень активны в Интернете и социальных сетях. WeChat поощряет создание частных групп пользователей, которые могут обмениваться текстовыми, видео и го-

лосовыми сообщениями с несколькими людьми одновременно.

Старшие монахи в последнее время также обращают внимание на кибер-буддизм. Некоторые из них используют WeChat для общения со своими сообществами последователей, в то время как другие, что неудивительно, используют его как своего рода дневник для записи и демонстрации своих практик самосовершенствования. Корейские священнослужители участвуют в процессе де- и ретерриторизации личности, в ходе которых практикуется духовность и культивируется индивидуальность личности. «Этот процесс территориализации создает временные единства, которые включают сильную и позитивную динамику, с помощью которой священники пытаются достичь своего религиозного идеала» [14, с. 21]. Китайские монахи и монахини записывают свое духовное путешествие и свои практики самосовершенствования, чтобы поделиться ими в социальных сетях. Именно так происходит киберпаломничество.

Монах Цзицунь и монахиня Руруи ведут публичные аккаунты WeChat, за которыми следят тысячи последователей. В эссе «Исследование мирского буддизма», опубликованном на его личном веб-сайте, Цзицунь защищает главную роль священнослужителей как в офлайн-, так и в онлайн-сообществах. По словам его ученика Цзянь И, он пишет все тексты, загруженные в его публичный аккаунт WeChat, и полностью контролирует свою цифровую личность. «Он не позволял другим писать. Я чувствую, что он пишет с точки зрения просвещенного ума» [12, с. 100].

Помимо самой большой в мире базы пользователей Интернета, составляющей около семисот миллионов

человек, Китай также обладает самой активной и быстрорастущей средой социальных сетей. Большинство людей используют свои смартфоны для выхода в Интернет, причем выходят они напрямую через WeChat [5, с. 44]. Благодаря распространению и доступности смартфонов, население крупных городов-регионов воспринимает доступ к социальным сетям и Интернету как должное. Впервые запущенная в 2011 году мобильная платформа мгновенного обмена текстовыми и голосовыми сообщениями WeChat содержит огромное количество контента, вдохновленного буддизмом. Монахи приглашают последователей оставаться на связи «сканируя QR-код», благодаря чему можно не только отправлять личные сообщения, общаться в чате и совершать телефонные звонки, но также получать доступ к «кругу друзей» нового контакта и проверять его «моменты», которые напоминают «истории» в приложении Инстаграм [8, с. 73]. Таким образом создается непрерывный и цельный визуальный и текстовый контент для всех членов сети. Важно отметить, что изображения, видео и гиперссылки также можно повторно публиковать и делиться ими в потенциально бесконечном цикле. Взаимодействие всегда приветствуется: есть кнопка «Мне нравится» и поле для комментариев. Монахи сознательно создают свою ленту, чтобы творчески распространять буддийские знания и идеи. Заметное место занимает мир природы. «Природа, чистая природа!» - написал в 2015 году монах Чанфа. К подписи прилагалась искусно составленная фотография красивой реки [11]. На снимке, сделанном с его смартфоном, было изображено место, лишенное зданий и человеческой деятельности, что является редкостью в Китае.

Приложения для смартфонов также играют важную роль. Кибербуддисты используют их для доступа к аудиовизуальным материалам и гипертекстам, для практики на цифровых алтарях и для медитации. Приложения позволяют практикующим заниматься буддизмом в повседневной жизни. Например, они могут ритуально «освобождать животных» - широко распространенная практика со времен Мин - отправляя виртуальные деньги на покупку животных. По словам Цзянь И, убежденного буддиста, приложения для религиозной практики, наряду с киберпаломничеством, являются «частью повседневной жизни многих», кто идет буддийским путем к спасению в современном Китае [13, с. 63]. Они рассматривают их как «дополнение» к другим практикам и возможностям на уровне общества. Цзянь, последователь Мастера Дхармы Цзицуня, считает, что границы часто размываются в отношении того, какую пользу именитые монахи извлекают в личном общении один на один в WeChat. Необходимо отметить, что служба голосовых сообщений постоянно используется для удаленных разговоров с мастерами дхармы.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. В китайском кибербуддизме религия и технология не существуют как две онтологически разные сферы знания и опыта. Напротив, современные медиа- и буддийские технологии дополняют друг друга в реализации и развитии религиозного учения. Нет никаких сомнений в том, что цифровое присутствие буддизма будет расширяться еще больше, поскольку эти технологии проникают во все уголки человеческой жизни. Появление смартфонов создало общественные пространства нового типа, в кото-

рых стремятся жить многие буддисты.

Эти трансформации происходят в более широком контексте развития современного китайского государства, для которого развитие информационных и коммуникационных технологий, а также информатизация политической экономики и социальной жизни приобрели высочайшее стратегическое значение. Экспансия высоких технологий поддерживает доминирующую политическую власть КПК и ее видения современности. Киберпространство китайского буддизма в сети является лишь частью более крупной электронной инфраструктуры рыночной экономики государства. Особое внимание следует уделить многочисленным связям между повсеместным материализмом сегодняшнего Китая, социальными дислокациями, вызванными неолиберализмом, моральными и этическими устремлениями горожан. Такие стремления отражаются в мире социальных сетей, вдохновленных буддизмом, которые, по крайней мере на время, открыли пространство и возможности для самосовершенствования и предоставили беспрецедентный доступ к религиозным знаниям и монашеским сетям.

References

- [1] Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Dorzhieva I.Ts. Buddhism on the Internet: Methodology for Studying Virtual Religious Communities // Bulletin of BSU. 2015. № 6. S. 86-92.
- [2] Badmatsyrenov TB, Tsendendamba S., Tsetsenbileg Ts. Buddhist communities in the logic of sociological research // Bulletin of BSU. 2015. № 14. P. 76-82.
- [3] Galkin D.V. Techno-logic of new media: to the problem of the genesis of digital culture // Humanitarian informatics. 2005. № 2. P. 1-23.
- [4] A.V. Koneva Transformation of religious practices in the information age // Vestnik SPbGIK. 2018. № 4 (37). S. 65-73.
- [5] Ulanov M.S., Badmaev V.N. Buddhist values and the problem of tolerance in the modern world // Scientific Thought of the Caucasus.

2013. № 3 (75). P. 43-46.
- [6] Chebunin A. V. The initial period of penetration, spread and sinization of Buddhism in China // *Bulletin of BSU*. 2019. № 2. P. 20-31.
- [7] Chen W. Body as Echoes: Cyber Archiving of Buddhist Deities in the Cave Temples of China // *Digital cultural heritage*. 2020. № 9. P. 119-137.
- [8] Connelly L. Virtual Buddhism: Online Communities, Sacred Places and Objects // *Asian Studies*. 2019. № 7. P. 59-82.
- [9] Palmer D. Cyberspace and the Emerging Chinese Religious Landscape – Preliminary Observations // *Cyber China: Reshaping National Identities in the Age of Information*. 2014. № 10. P. 37-50.
- [10] Tarocco F. Technologies of Salvation: (Re)locating Chinese Buddhism in the Digital Age // *Asian Studies*. 2017. № 18. P. 155-175.
- [11] Xianfa C. Nature, Pure Nature! // *WeChat*. URL: <https://www.wechat.com/buddhist-services-wechat> (14.12.2020)
- [12] Xiang I. The tangled web of Buddhism: an internet analysis of religious doctrinal differences // *Contemporary Buddhism*. 2018. № 13. P. 94-115.
- [13] Xiang I. Cyber-buddhism as a new phenomenon in Chinese culture // *Contemporary Buddhism*. 2020. № 3. P. 58-71.
- [14] Xu S. Surveying digital religion in China: Characteristics of religion on the Internet in Mainland China // *The Communication Review*. 2018. № 21. P. 1-24.
- [15] Xu S. The internet usage of religious organizations in Mainland China: Case analysis of the Buddhist Association of China // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2020. № 21. P. 45-60.
- [16] Ya C. Regulation of Tibetan Buddhism in Contemporary China // *Journal of Literature and Art Studies*. 2020. № 10. P. 10-17.
- ма в Китае // *Вестник БГУ*. 2019. № 2. С. 20-31.
- [7] Chen W. Body as Echoes: Cyber Archiving of Buddhist Deities in the Cave Temples of China // *Digital cultural heritage*. 2020. № 9. P. 119-137.
- [8] Connelly L. Virtual Buddhism: Online Communities, Sacred Places and Objects // *Asian Studies*. 2019. № 7. P. 59-82.
- [9] Palmer D. Cyberspace and the Emerging Chinese Religious Landscape – Preliminary Observations // *Cyber China: Reshaping National Identities in the Age of Information*. 2014. № 10. P. 37-50.
- [10] Tarocco F. Technologies of Salvation: (Re)locating Chinese Buddhism in the Digital Age // *Asian Studies*. 2017. № 18. P. 155-175.
- [11] Xianfa C. Nature, Pure Nature! // *WeChat*. URL: <https://www.wechat.com/buddhist-services-wechat> (Дата обращения 14.12.2020)
- [12] Xiang I. The tangled web of Buddhism: an internet analysis of religious doctrinal differences // *Contemporary Buddhism*. 2018. № 13. P. 94-115.
- [13] Xiang I. Cyber-buddhism as a new phenomenon in Chinese culture // *Contemporary Buddhism*. 2020. № 3. P. 58-71.
- [14] Xu S. Surveying digital religion in China: Characteristics of religion on the Internet in Mainland China // *The Communication Review*. 2018. № 21. P. 1-24.
- [15] Xu S. The internet usage of religious organizations in Mainland China: Case analysis of the Buddhist Association of China // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2020. № 21. P. 45-60.
- [16] Ya C. Regulation of Tibetan Buddhism in Contemporary China // *Journal of Literature and Art Studies*. 2020. № 10. P. 10-17.

Список литературы

- [1] Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Доржиева И.Ц. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // *Вестник БГУ*. 2015. №6. С. 86-92.
- [2] Бадмацыренов Т.Б., Цэдэндамба С., Цэцэнбилег Ц. Буддийские сообщества в логике социологического исследования // *Вестник БГУ*. 2015. № 14. С. 76-82.
- [3] Галкин Д.В. Техно-логика новых медиа: к проблеме генезиса цифровой культуры // *Гуманитарная информатика*. 2005. № 2. С. 1-23.
- [4] Конева А.В. Трансформация религиозных практик в информационную эпоху // *Вестник СПбГИК*. 2018. № 4 (37). С. 65-73.
- [5] Уланов М.С., Бадмаев В.Н. Буддийские ценности и проблема толерантности в современном мире // *Научная мысль Кавказа*. 2013. № 3 (75). С. 43-46.
- [6] Чебунин А. В. Начальный период проникновения, распространения и китаизации буддиз-

Цыден-Ешиева Б.В.*Студент докторантуры**Института Международных отношений и связей с общественностью
при Шанхайском Университете Иностранных Языков (ШУИЯ).***Ислам и Исламизм.
Проблемы восприятия понятий в современном мире***

Аннотация. Проблемы терроризма, навешивания ярлыков на людей по признаку национальности и вероисповедания, и необдуманное использование терминов достигли такого уровня непонимания, что не могут существовать в нашем так называемом культурном глобальном мире.

Данная статья изучает термины Ислам и Исламизм, Терроризм и Мировой порядок, проблему их восприятия в современном мире, а именно акцентирует внимание на существенных основополагающих различиях данных терминов. Несмотря на популярное мнение о тесной связи религии Ислам и Терроризма, данная статья пытается внести коррективы в общественное мнение и защитить естественные и гражданские права мусульман не быть и не становиться жертвами общественного мнения и называться террористами на улицах городов.

В статье используются сравнительные методы анализа терминов, основными источниками информации для данной статьи послужили не только СМИ и аналитические труды неправительственных организаций, но и научные труды иностранных и российских экспертов в области международной безопасности, регионоведения и политологии.

Основной целью и заключением статьи является факт абсолютного различия понятий Ислам и Исламизм. Некорректное использование таких важных терминов несет за собой огромные риски для современного общества, которые порождают межнациональные и межстрановые конфликты, что напрямую связано с международной безопасностью.

Ключевые слова: Ислам, Исламизм, религия, Терроризм, Террорист, Международные отношения, Международная безопасность, Политический курс, Политическая идеология, Исламский Халифат, Мировпорядок.

Tsyden-Yeshieva B.V.*Phd student of International relations**and Public affairs of Shanghai International Studies University.***Islam and Islamism.
The problems of perception in contemporary society**

Abstract. The problems of terrorism, hanging labels based on nationality and religion, incorrect use of words and terms reached so high risky level, so that it can not be ignored in our so-called civilised humane society. Article analyses such terms like Islam, Islamism, Terrorism and World Order. Specifically article covers the questions of how we perceive and use these terms, pointing attention on the fundamental differences of the terms. Despite of the common belief into tight con-

* © Цыден-Ешиева Б.В., 2021.

Ислам и Исламизм. Проблемы восприятия понятий в современном мире

nection of Islam with Terrorism, article aimed at correction of common perceive and defend civil right of people who can be bullied on the streets of countries and at the campuses of universities based on their religion and nationality.

Article involves comparative methods of term analysis, main resources are not only social media and non profit organisation's analytical researches, but deficiently are scientific researches of foreign and Russian experts in the areas of international security, regional studies and political science. Major goal, and accordingly conclusion of the article is the fact of absolutely difference of the terms Islam and Islamism. More over incorrect use of important political definitions can bring huge risks for contemporary society, that cause interethnic and inter country conflicts. Current topic of the article is directly connected with International security.

Key words: Islam, Islamism, Religion, Terrorism, Terrorist, International relations, International Security, Political course, Islamic Caliphate, World Order.

Введение

Мы думаем, что живем в цивилизованном мире, для которого актуальны синонимы «умный, человечный и безопасный». Но на удивление и к сожалению, острой повесткой дня в современном мире по-прежнему остается вопрос безопасности физических границ отдельных государств, гражданских свобод и прав человека. А именно, наиболее актуальной проблемой современной международной безопасности является проблема терроризма в различных ее проявлениях.

Согласно Стратегии Национальной Безопасности США, Декабрь 2017 года¹, и Стратегии Национальной Безопасности Российской Федерации до 2030 года², Май 2017 года, государство в первую очередь должно защищать национальные границы и обеспечивать безопасность граждан. Но проблема в том, что стратегии национальной и международной безопасности зачастую отстают от возникающих проблем.

Война в Афганистане, война в Ираке, террористический акт 11 сентября

2001 года в США, феномен Арабская весна, которая принесла локальные вспышки конфликтов, все это заставляет нас поверить в существующую невидимую связь Ислама и любого рода конфликта, акта насилия с терроризмом. Укоренившееся в обществе мышление «Ислам - это религия войны» вросло в мышление людей столько глубоко, что избавиться от этого и переломить существующую парадигму очень сложно, но крайне необходимо.

Статья использует дедуктивный анализ терминов, более того терминология и позиция отношения к данным терминам анализируется с точки зрения сравнительного анализа различных экспертов. Что стоит за религией Ислам, анализ принципов которые исповедуют мусульмане.

Ислам, Исламизм, Джихад

Термин «Ислам» означает добровольное «подчинение» или «подчинение» воле Бога. Данный термин происходит от слова «Салам», что означает «мир». В Коране написано, что единственная цель, для которой было создано человечество - это поклонение Богу, но у человечества есть свободный выбор: подчиняться или не подчиняться Богу [9].

Исламизм - это политический Ислам или идеология. Исламизм относится к разным формам социальной и

1 Стратегия нацбезопасности США: главными конкурентами назвали Россию и Китай 19.12.2017. Информационно - Новостное агентство РФ. // URL: <https://ria.ru/20171219/1511221969.html>. (Дата обращения: 16 Февраля 2021)

2 Официальный сайт Администрации Президента РФ. // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (Дата обращения: 16 Февраля 2021)

политической активности, цель которых заставить общественные и политические институты брать за основу исламистские принципы, которые чаще всего не имеют ничего общего с религией Ислам.

Профессор Мехди Мозаффари, почетный профессор факультета политологии Орхусского университета, объясняет, что Исламизм - сложное явление, имеющее множество измерений и разветвлений [23]. Исламизм - это политическая идеология в руках людей, которые используют исламские ценности для достижения своих личных интересов, зачастую через насилие и террор.

Исламизм как идеология может быть консервативной и радикальной. Радикальные идеологи (экстремисты) обычно прибегают к методам насилия, в том числе к терроризму, чтобы добиться желаемого и бороться за это. Но было бы ошибочно полагать, что только исламизм, в лице отдельных групп мусульман используют насильственное методы. Существует огромное количество не мусульманских террористических организаций и террористов - одиночек, которые продвигали христианские, анти-мусульманские, антигендерные, анти-азиатские и другие идеологии. Российский эксперт Владимир Пластун предполагает, что любая форма радикализма обычно имеет перспективы развития во время социальных кризисов, которые вызывают политическую и социальную дестабилизацию, когда средний класс критикует власти и требует конкретных действий по изменению обстановки в стране [16].

Причина, по которой мы обычно в конечном итоге проводим коррекцию между насилием и Исламом, возможно лежит в понимании термина «Джихад». Согласно свободной онлайн-энциклопедии Википедия, к

которой имеется доступ у любого человека, термин «Джихад» в переводе с арабского означает «стремление, усердие». В классическом исламском праве этот термин относится к вооруженной борьбе с неверующими. Большинство западных ученых используют слово «Джихад» как «Священная война». В религиозном смысле «Джихад» имеет различные вариации других значений, которые могут относиться как к внутренним, так и к внешним усилиям, направленным на то, чтобы быть хорошими мусульманами или верующими. Внутренний «Джихад» обычно относится к борьбе с самим собой, воспитание самого себя. Известный исламовед В.В. Бартольд, отмечая агрессивный характер «Джихада» при этом отмечает, что насильственное распространение Ислама не входило в задачи пророка Мухаммада, напротив, был провозглашён принцип: «В религии нет принуждения». (Коран, 2; 257)³.

Ислам допускает применение тяжёлой силы, в виде военных восстаний в случаях когда есть непосредственная угроза мусульманину, и при незаконном нарушении физически границ государства. Более того, согласно Исламу, в случае необходимости военных действий только лишь уполномоченное лицо может отдать приказ на разворачивание военных действий [2]. Концепция Джихада использовалась многими политическими и религиозными группами для оправдания различных форм насилия. Некоторые люди даже использовали Джихад для борьбы с уже установленным исламским порядком в их странах, то есть применяли насилие против мусульман, что противоречит Исламу. Кроме

3 Официальный сайт Приамурского государственного университета имени Шолом - Алейхема. // URL: <http://pgusa.ru/ru/stati/dzhihad-ideologiya-i-praktika> (Дата обращения: 10 Февраля 2021)

того, по мнению некоторых историков, зафиксированные исторические военные действия во имя Ислама являются скорее исключением нежели нормой по нормам права Ислама [23].

Исламизм - Терроризм, но Терроризм - не Ислам

Если существует корреляция между террором, насилием и мусульманской религией, это означает, что более 1,5 миллиарда человек являются террористами [5]. При этом крайне важно иметь в виду, что каждые 2 из 10 террористических группировок являются не мусульманскими организациями, к примеру: Fuerzas Armadas Revolucionarias De Colombia (FARC - боевое крыло Коммунистической партии Колумбии), Epanastatikos Agonas (греческая боевая группа AE), Euskadi Ta Askatasuna (националистическая и сепаратистская группа ETA, действующая в Испании и Франции), Настоящая ирландская республиканская армия (RIRA), Ассоциация защиты Ольстера (боевая организация лоялистов UDA Северной Ирландии), Aum Shinrikyu (японская организация по «промыванию мозгов» с философскими убеждениями и другие).

Более того, по данным ФБР, 94% террористических атак, произошедших в Соединенных Штатах период с 1980 по 2005 гг. совершены не мусульманами [19]. Согласно этому же отчету, каждый год совершается больше еврейских террористических актов, чем исламских, поэтому по тем же причинам, по которым мы не можем обвинять всю религию иудаизм или христианство в насильственных действиях тех, кто совершает преступления прикрываясь волей Бога, у нас нет законных оснований обвинять мусульман в терроризме [7].

Некоторые из террористических

группировок официально признаны только европейскими странами или 6 странами из остальных. Например, Россия не считает «Хезболлу» и «ХАМАС» террористическими организациями, в то время как обе группы занесены в черный список США и ряда других европейских стран [3]. По мнению российских экспертов по Ближнему Востоку, «Хезболла» и «Хамас» являются основной палестинской вооруженной группой сопротивления, которая была демократически избранной и являлась легитимными общественно-политическими силами [20]. Согласно сравнительному анализу от Бенджамина Фридмана за 2010 год, Соединенные Штаты официально признали 45 иностранных организаций «террористическими». Соединенное Королевство имеет один из самых обширных списков в мире, в нем в черный список внесены около 55 террористических организаций. Канада, в свою очередь, занесла в черный список 41 организацию, Индия - 34, Австралия - 18 и Россия - 16. Такие списки есть и у международных организаций, например: Европейский Союз внес в черный список 29 организаций, а в списке ООН - 24 террористические группы [10].

Характеристики признания террористических групп варьируются от государства к государству и даже в зависимости от мнения различных международных и не правительственных организаций. Каждый отдельный список отражает абсолютно различные понимания и восприятия терминов «Террористическая организация» и «террористических акт».

80% всех существующих террористических групп изначально выступают против правящих элит в правительстве, чаще всего внутри своих стран. То есть целью большинства локальных террористических организаций яв-

ляется захват власти и установления, некоего лучшего типа правления в стране, проще говоря свержение существующей власти. Согласно Исламу, идеологические группировки, ведущие насильственную борьбу против своих режимов официально запрещены, незаконны и заслуживают порицания.

Информационно-новостные источники информации пестрят заголовками, которые приравнивают два данных термина друг к другу. Когда как многие мусульмане живут мирно и совершают немаловажный вклад в развитие стран, но о них никто не говорит. Никто не говорит о том, как отдельные семьи с их национальными ценностями вносят вклад в развитие общества [11]. На сегодняшний день, основной идеологией террористических группировок является анти-западничество, анти-правительственность. Группы людей используют идеологию «анти-правительственности», зная, что граждане в некоторых странах часто не удовлетворены условиями жизни и работой правящей элиты. Именно такие условия в странах, как экономическая не- стабильность, неудовлетворенность граждан своими условиями жизни, постоянный рост инфляции и повышение налоговых льгот, внутренние бытовые конфликты создают идеальные условия для функционирования и развития идеологий насилия. Именно в таких странах легко привить любую идеологию, особенно молодому населению с неокрепшим умом.

Новый старый Исламский Мировой порядок

Долгое время мировой порядок рассматривался как лидерство и управление политическими процессами одним государством на глобальной арене. Доктор политических наук, директор

Центра Евро-Атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД, Александр Никитин в своей работе, описывает «миропорядок» как относительно устойчивое и достаточно стабильное состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов, правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил [1].

Термин «Новый мировой порядок» используется для обозначения любого нового периода истории, свидетельствующего о драматических изменениях в мировых политических мыслях и распределении баланса сил. Вестфальская Мировая система, образовавшаяся в 1648 году, олицетворяет начало периода становления международной системы в рамках современной концепции. До Вестфальского Мирного договора между государствами, можно считать что никаких мировых порядков не было вообще за исключением стихийного противостояния различных отдельных империй и земель. Ялтинско-Постдамский мировой договор ознаменовал окончание многополярного мироустройства, и образование биполярного, во главе с США и СССР после Второй Мировой войны. Быстро в обиход вошел термин «Холодная война», характеризующий конфронтацию между США и СССР. Как и прежние системы, данный мировой порядок привнес как положительные, так и отрицательные новшества, самым ярким из которых был риск разворачивания ядерной войны в мире. Однако, стоит отметить, что данная система организовала в мире стабильные международные отношения и кооперации. После краха СССР закончилась Холодная война, что привело мировое сообщество

в состояние развития процессов глобализации, и повсеместного развития всех стран. Процессы глобализации достигли неимоверных скоростей, что в свою очередь привело к столкновению национальных суверенитетов, которые только набрали свою силу, с необходимостью коммуникаций между странами [4].

Каждое государство строит свой взгляд на том, как должен выглядеть мировой порядок под его управлением и как должно происходить становление отдельного мирового порядка. По мнению многих экспертов, именно религия была, и до сих пор есть - наиболее сильным рычагом влияния и воздействия на разные политические и социальные процессы не только в отдельной стране, но и в мире в целом [15]. «Наносить вред, поощрять насилие и конфликты во имя религии, - сказал Папа Иоанн Павел II в Египте после столкновения христиан и мусульман в феврале 2000, - это ужасное противоречие и большое оскорбление против Бога» [6]. Священная книга Коран включает в себя присутствие и принятие многих патриархов, таких как Ной, Авраам, Моисей и Иисус, в качестве пророков и посланников. Такие аяты Корана «В религии не должно быть принуждения» (2: 256) и «у тебя есть своя религия, а у меня своя (109: 6)», могут гарантировать и доказывать скромность и терпимость Ислама по отношению к другим людям и религиям [11].

21 век, восстановление Халифата - политическая идея для многих исламистов и мусульман. Причина, по которой в данной статье термины исламисты и мусульмане используются раздельно заключается в том, что их ценности полностью отличаются друг от друга. Как мы уже упоминали ранее в статье, все мусульмане могут исповедовать одну и ту же религию - ислам, но не все понимают ислам так же, как другие.

На самом деле идея Халифата не есть новизна, в древние времена арабские армии привнесли новую Исламскую религию до атлантического побережья Африки, Европы и Северной Индии. Более того, почти до 16 века именно Исламские страны были наиболее развиты в научном, экономическом и социальном плане. Работы мусульманских ученых регулярно переводились на латынь и другие европейские языки. Именно в Исламские государства приезжали европейцы для того, чтобы найти ответы на различные вопросы и получить знания по развитию общества [24]. По мере расширения ранней исламской империи она в конечном итоге разделилась на несколько центров силы, подобно расколу между суннитами и шиитами. Именно это привело к некорректному восприятию Ислама, так как интерпретации ценностей религии отличаются и уже не ведутся лишь от лиц, уполномоченных на этом по Исламскому праву [12].

Истинное Исламское государство, или Халифат, создается при управлении избранным лидером, халифом, который продолжит удерживать власть в соответствии с истинным исламским законом, консультируясь и обсуждая важные вопросы в парламентской системе правления с названным выбранным человеком, уламом. Согласно Корану этот человек является наместником Бога на Земле и несет ответственность за заботу обо всем, начиная от окружающей среды и заканчивая людьми вокруг него. Мусульманам было сказано быть терпимыми по отношению к другим людям и создавать общество, в которых поддерживаются справедливость, доброта и избегание плохих поступков. Более того, Коран подчеркивает терпимость между мусульманами и не мусульманами [18].

Если говорить об исламе как о ре-

лигии, то в настоящее время это самая быстрорастущая религия в мире. По данным британского исследовательского центра «Pew Research Center», мусульмане составляют почти 20% населения внутреннего Лондона и 10% Парижа и Копенгагена. По оценкам некоторых ученых из Брукингского института, Вашингтон, округ Колумбия, уровень рождаемости среди мусульман в Европе как минимум в три раза выше, чем среди немусульман [21].

Исламский миропорядок имеет место быть, так же как и другой Мировой порядок. Самое ужасное и пугающее, когда кто-то считает себя вправе решать, кто уйдет, а кто нет, и какая нация имеет право на существование, а какая не имеет никаких прав. Хасан Ат-Тураби, лидер Исламско-арабского конгресса в Судане: *«Революция и насилие - не лучший способ продвижения настоящего Ислама»* [14]. Совершенно справедливо можно сказать и о любом другом государстве, которое является или стремится стать господствующим государством на мировой арене.

Заключение

Проблема современного общества заключается в том, что мы не различаем многие понятия между собой, в частности понятия радикальный ислаимзм и религия Ислам. Процесс радикализации Ислама как часть глобальной религиозной политизации в 20-21 веках считается результатом глобализации и модернизации мирового сообщества. Каждый наш шаг, мнение влияет на формирование общества вокруг нас, и если мы будем себе позволять судить человека на основе его принадлежности к определённой нации, религии или слою населения, мы никогда не сможем иметь стабильное развитое общество.

Тема радикализации исламизма

очень тревожна и актуальна сегодня, поэтому данная статья посвящена нахождению доказательств отсутствия прямой связи идеологического исламского экстремизма с религией Ислам. Так как очевидно, что радикализм характерен для всех религий, а значит, это не конкретное порождение Ислама.

Поэтому важно приложить усилия к анализу причин любых радикальных и националистических движений в разных странах, а не только на Ближнем Востоке. Как мы уже упоминали ранее, 80% всех террористических групп создаются для лоббирования действующего правительства. Нет необходимости копаться в размышлениях, являются ли мусульмане террористами или нет, нам лишь нужно думать глобально и глубже, в чем причина любых видов агрессии и как с ней бороться совместно на основе международного сотрудничества. Тем более сейчас, когда анти-террористические действия западных государств приводят зачастую к разжиганию проблем и хейтерства к демократическим обществам, необходимы новые алгоритмы решения проблемы международной безопасности.

Конфликты в регионах Ближнего Востока уже стали нормой, экономические войны, Арабская весна, непрекращающиеся перестрелки в Сирии, последние события в Армении и Азербайджане показывают нам современное положение дел в мире [17]. Нам необходимы единые международные механизмы работы над вопросом безопасности, в первую очередь необходимо на глобальном уровне закрепить такие понятия как Терроризм, Террорист, Террористические акты. К примеру, Агентство национальной безопасности Австралии определяет два способа признания организации террористической в соответствии с Уголовным кодексом: террори-

стическая организация или отдельное лицо, во-первых, прямо или косвенно участвует в подготовке, планировании, и содействии совершению террористического акта, во-вторых, выступает за совершение террористического акта [8].

References

- [1] Alexander I. Nikitin, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Center for Euro-Atlantic Security of the Institute for International Studies, MGIMO MFA. Policy. Political news. 2018. № 6. // URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/f5e/sovremennyy-miroporyadok-ego-krizis-i-perspektivy.pdf>. (January 1, 2021)
- [2] Ahmad al-Dawudi, Doctor, ICRC Legal Adviser. "IHL and Islamic Prvvo". International Committee of the Red Cross. 23 May 2017. // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mgp-i-islamskoe-pravo-voyny>. (January 20, 2021)
- [3] Russia does not consider Hezbollah and Hamas to be terrorist organizations. Publication of the Federal Assembly of the Russian Federation. 15 November 2015. // URL: <https://www.pnp.ru/politics/2015/11/15/rossiya-neschitaet-khezbollah-i-khamas-terroristicheskiye-organizaciyami.html> (6 January 2021)
- [4] Kortunov S. Formation of a new world order and problems of international security. // URL: <https://pandia.ru/text/77/435/126.php> (20 December 2020)
- [5] AICE. Jewish virtual library. Retrieved from Islam: Muslim Population of the World (2016, February). // URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/muslim-population-worldwide>. (20 November 2020)
- [6] Alessandra Stanley. The Pope is in Egypt, tracing the path of Moses and calling for dialogue. New York Times magazine. (February 25, 2000). // URL: <https://www.nytimes.com/2000/02/25/world/pope-is-in-egypt-tracing-moses-path-and-urging-dialogue.html>. (2020)
- [7] Alnatur O. Muslims are not terrorists: a factual view of terrorism and Islam. HUFFPOST. (2015, 09-12). // URL: https://www.huffpost.com/entry/muslims-are-not-terrorist_b_8718000
- [8] Australian National Security. Protocol to Include Terrorist Organizations in the Australian Penal Code, 1995. Official web page // URL: <https://www.nationalsecurity.gov.au/Listedterroristorganisations/Pages/ProtocolForListingTerroristOrganisations.aspx>. (July 2020, February 2021)
- [9] Crescent Peace Society. Established in 1996 // URL: <http://www.crescentpeace.org> (2020, 2021)
- [10] Friedman B. Officially Blacklisted Extremist / Terrorist Organizations: Comparison of Lists from Six Countries and Two International Organizations. 2010 // URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/99/202> (2020, 2021)
- [11] Hadrani, Hammond, Hamhris, Janmohamed, Thyssen, Colin Turner, Mahshid Turner. Book of Islam. 2020, Publisher DK. New York. // URL: <https://b-ok.xyz/book/5690619/4f5696> (2020, 2021)
- [12] Henry Kissinger. World order. 2015 year. 432 pages. Penguin books. London. // URL: <https://b-ok.xyz/book/5373101/06d26a> (2020, 2021)
- [13] Jihad: a misunderstood concept of Islam - rebellion against rulers. (2018, May 5). Retrieved from the Supreme Islamic Court of America // URL: <http://islamcouncil.org/understanding-islam/legal-rulings/5-jihad-a-misunderstand-concept-from-islam.html?start=8>
- [14] Nchitailo. International Islamism in the North Caucasus. 2006.
- [15] Paul S. Rowe. Religious movements and the contribution of religion to global society. January 2016 // URL: <https://www.e-ir.info/2016/01/01/religious-movements-and-religions-contribution-to-global-civil-society/>. (February 10, 2021)
- [16] Plastun V. Activity of forces and organizations of extremism in the countries of the East. Novosibirsk: "Owl" 2006.
- [17] Robert Malley. "10 conflicts to watch out for in 2020". International Crisis Group. December 27, 2019 // URL: <https://www.crisisgroup.org/global/10-conflicts-watch-2020>. (February 5, 2021)
- [18] Salazar and Wilkinson. An eyewitness to Islam. Published by DK. New York. 2018. // URL: <https://b-ok.xyz/book/3675630/4f7dbd> (2020, 2021)
- [19] Sampatkumar M. Mythili Sampatkumar. INDEPENDENT. (2017, 06 23). // URL: <https://www.independent.co.uk/author/mythili-sampathkumar>. (2020, 2021)
- [20] The Moscow Times. Russia claims that Hezbollah and Hamas are not terrorist groups. Retrieved from The Moscow Times (2015, 11 16). // URL: <https://themoscowtimes.com/news/russia-says-hezbollah-hamas-arent-terrorist-groups-50783>
- [21] Pew Research Center. (2017, 4-5). Changing World Religion Landscapes. Retrieved from Pew Research Center // URL: <http://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/>. (2020, 2021)
- [22] Ulama, Oxford Islamic Learning Online. // URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e2415>. (2020, 2021)
- [23] WatchMojo.com. (2009, 10 8). Muslims against Islamism. Retrieved from Youtube // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FzP-9WoMLph8>. (2020, 2021)
- [24] Ziauddin Sardar, Zafar Abbas Malik. 1994. Acquaintance with Islam. Published by Icon Books Ltd., London. Edited by Richard Appignansi. // URL: <http://www.introductionbooks.c>

Список литературы

- [1] Александр И. Никитин, доктор политических наук, профессор, директор Центра Евро-ат-

- лантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД. Политические известия. 2018. № 6. // URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/f5e/sovmennyy-miroporiyadok-ego-krizis-i-perspektivy.pdf>. (Дата обращения: 1 Января 2021)
- [2] Ахмад ад-Давуди, доктор, советник МККК по правовым вопросам. «МПГ и Исламское право». Международный Комитет Красного Креста. 23 Мая 2017. // URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mgp-i-islamskoe-pravo-voynu>. (Дата обращения: 20 Января 2021)
- [3] Россия не считает «Хезболлу» и ХАМАС террористическими организациями. Издание Федерального Собрания РФ. 15 Ноябрь 2015. // URL: <https://www.pnp.ru/politics/2015/11/15/rossiya-neschitaet-khezbollah-i-hamas-terroristicheskimi-organizაციями.html> (Дата обращения: 6 Января 2021)
- [4] Кортунов С. Становление нового мирового порядка и проблемы международной безопасности. // URL: <https://pandia.ru/text/77/435/126.php> (Дата обращения: 20 Декабря 2020)
- [5] AICE. Виртуальная библиотека Jewish. Получено из ислама: мусульманское население мира (2016, февраль). // URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/muslim-population-worldwide>. (Дата обращения: 20 Января 2020)
- [6] Алессандра Стэнли. Папа находится в Египте, отслеживая путь Моисея и призывая к диалогу. Журнал Нью-Йорк Таймс. (25 февраля 2000). // URL: <https://www.nytimes.com/2000/02/25/world/pope-is-in-egypt-tracing-moses-path-and-urging-dialogue.html>. (Дата обращения: 2020)
- [7] Альнатур О. Мусульмане - не террористы: фактический взгляд на терроризм и ислам. HUFFPOST. (2015, 09-12). // URL: https://www.huffpost.com/entry/muslims-are-not-terrorist_b_8718000
- [8] Австралийская национальная безопасность. Протокол о включении террористических организаций в Уголовный кодекс Австралии, 1995 г. Официальная веб-страница // URL: <https://www.nationalsecurity.gov.au/Listedterroristorganisations/Pages/Protocol-ForListingTerroristOrganisations.aspx>. (Дата обращения: июль 2020 г., февраль 2021)
- [9] Общество Кресент Мир. Создана в 1996 г. // URL: <http://www.crescentpeace.org> (Дата обращения: 2020, 2021)
- [10] Фридман Б. Официально внесенные в черный список экстремистские / террористические организации: сравнение списков из шести стран и двух международных организаций. 2010 // URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/99/202> (Дата обращения: 2020, 2021)
- [11] Хадрани, Хаммонд, Хамхрис, Джанмохаммед, Тиссен, Колин Тернер, Махшид Тернер. Книга ислама. 2020, Издатель DK. Нью-Йорк. // URL: <https://b-ok.xyz/book/5690619/4f5696> (Дата обращения: 2020, 2021)
- [12] Генри Киссинджер. Мировой порядок. 2015 год. 432 страницы. Книги пингвинов. Лондон. // URL: <https://b-ok.xyz/book/5373101/06d26a> (Дата обращения: 2020, 2021)
- [13] Джихад: неверно истолкованная концепция ислама - восстание против правителей. (2018, 5 мая). Получено из Верховного исламского суда Америки // URL: <http://islamicssupremecouncil.org/understanding-islam/legal-rulings/5-jihad-a-misunderstand-concept-from-islam.html?start=8>
- [14] Нечитайло. Международный исламизм на Северном Кавказе. 2006.
- [15] Пол С. Роу. Религиозные движения и вклад религии в глобальное общество. Январь 2016 г. // URL: <https://www.e-ir.info/2016/01/01/religious-movements-and-religions-contribution-to-global-civil-society/>. (Дата обращения: 10 февраля 2021)
- [16] Пластун В. Деятельность сил и организаций экстремизма в странах Востока. Новосибирск: «Сова» 2006.
- [17] Роберт Мэлли. «10 конфликтов, за которыми стоит следить в 2020 году». Международная кризисная группа. 27 декабря 2019 г. // URL: <https://www.crisisgroup.org/global/10-conflicts-watch-2020>. (Дата обращения: 5 февраля 2021)
- [18] Салазар и Уилкинсон. Очевидец ислама. Опубликовано DK. Нью-Йорк. 2018. // URL: <https://b-ok.xyz/book/3675630/4f7dbd> (Дата обращения: 2020, 2021)
- [19] Сампаткумар М. Мифили Сампаткумар. НЕЗАВИСИМЫЙ. (2017, 06 23). // URL: <https://www.independent.co.uk/author/mythilis-sampathkumar>. (Дата обращения: 2020, 2021)
- [20] The Moscow Times. Россия заявляет, что «Хезболла», «Хамас» - это не террористические группировки. Получено из The Moscow Times (2015, 11 16). // URL: <https://themoscowtimes.com/news/russia-says-hezbollah-hamas-arent-terrorist-groups-50783>
- [21] Исследовательский центр Pew. (2017, 4-5). Изменяющаяся мировая религия Landscae. Получено из исследовательского центра Pew // URL: <http://www.pewforum.org/2017/04/05/the-changing-global-religious-landscape/>. (Дата обращения: 2020, 2021)
- [22] «Улама», Оксфордское исламское обучение онлайн. // URL: <http://www.oxfordilamicstudies.com/article/opr/t125/e2415>. (Дата обращения: 2020, 2021)
- [23] WatchMojo.com. (2009, 108). Мусульмане против исламизма. Получено с Youtube // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FzP9WoMLph8>. (Дата обращения: 2020, 2021)
- [24] Зиауддин Сардар, Зафар Аббас Малик. 1994. Знакомство с исламом. Опубликовано Ison Books Ltd., Лондон. Под редакцией Ричарда Аппиньянези. // URL: www.introductionbooks.com (Дата обращения: 2020, 2021)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Мяо Хуэй

Кандидат культурологии, профессор.
Цицикарского университета,
Центр исследования славянских стран при Министерстве образования
КНР на базе Института славянских языков.
Харбинского педагогического университета, КНР.

Чжан Яньян

Аспирант Цицикарского университета, КНР.

Образ дракона в творчестве Всеволода Иванова и Арсения Несмелова*

Аннотация. Образ дракона - символ тысячелетнего духовного развития китайской культуры. Этот образ сформировал особую систему смыслов и иконографических моделей, обладающих уникальным восточным колоритом. На китайском культурном фоне, в китайском культурном контексте, это древняя тема получает новое прочтение и заслуживает более глубокого изучения. В статье рассматриваются образ дракона, обладающий «китайским национальным колоритом», в произведениях Иванова и Арсения Несмелова. Эти стихи обладают трёхмерностью. Ее образуют: китайская историчность, китайский пейзаж и китайская эмоциональность.

Ключевые слова: китайская культура; образ дракона; Всеволод Иванов; Арсений Несмелов; творчество.

Miao Hui

Candidate of Cultural Studies, Professor.
Qiqihar University, Center for the Study
of Slavic Countries under the Ministry of Education
of the PRC on the basis of the Institute of Slavic Languages.
Harbin Normal University, China.

Zhang Yangyang

Postgraduate student, Qiqihar University, China.

The image of the dragon in the works of Vsevolod Ivanov and Arseny Nesmelov

Abstract. The image of a dragon is a symbol of the thousand-year spiritual development of Chinese culture. This image has formed a special system of meanings and iconographic models with a unique oriental flavor. Against the Chinese cultural background, in the Chinese cultural

* © Мяо Хуэй, Чжан Яньян., 2021.

Образ дракона в творчестве Всеволода Иванова и Арсения Несмелова

context, this ancient topic gets a new reading and deserves a deeper study. The article examines the image of a dragon with a «Chinese national flavor» in the works of Ivanov and Arseny Nesmelov. These verses are three-dimensional. It is formed by: Chinese historicity, Chinese landscape and Chinese emotionality.

Key words: Chinese culture; the image of a dragon; Vsevolod Ivanov; Arseny Nesmelov; creation.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке «Ключевой исследовательский проект по экономическому и социальному развитию провинции Хэйлуцзян (базовый), проект № 20421».

Исследование осуществлено при финансовой поддержке департамента образования провинции Хэйлуцзян (проект № SJGY 20200792).

Введение

В культуре любого народа наиболее древний слой представления духовности – мифология и тесно связанная с ней символика, играют значительную роль. Они позволяют закрепить наиболее важные и устойчивые компоненты культуры, позволяющие осуществлять процесс этнической идентификации. В культуре Китая такого рода слой связан с мифами о драконе.

В мифах и легендах древнего Китая, дракон—это чудесное, священное животное, олицетворяющее счастливое предзнаменование, пожелание почета и уважения. Дракон изображался с телом змеи, с ногами ящерицы, с когтями ястреба, с хвостом золотой рыбки, рогами оленя, в чешуе рыбы; возле рта дракона помещалась борода, а на лбу - жемчужина. Дракон – это фантастический образ, играющий роль тотема для многих народов Китая. В древности, когда люди не могли правильно понять и объяснить природные процессы, паранормальные явления представлялись в образе дракона. Он мог плавать в воде, как рыба, а мог и летать как птица в небе. Со временем ему стали приписывать все больше и больше чудесных свойств. Это привело к тому, что дракон, ко-

торого считали тотемом, постепенно становился не похожим на “девятку”. В древнем трактате «Бэнь-цао-ган-му» о нем писали: у дракона девятка похожего. Он – существо чуждой породы, которая объединяет преимущества всех животных. С начала весны он поднимается на небо, а вначале осени скрывается под водой, вызывает ветер, насыляет дождь, он может делать всё.

Дракон — это тотем китайской нации, духовный символ, культурный знак, общий для многих народов Китая. Известный исследователь культуры Китая Пан Цзинь дал такое определение культуре дракона: культура дракона разделяется на широкое и узкое значение. Узкая культура дракона имеет в виду культуру тотема, включает происхождение, развитие, распространение культурных ценностей, обычаев, духовное и реальное их значение в жизни народа, а также соединение, взаимопроникновение китайской культуры с другими культурами. Широкое значение культуры дракона включает в себя всю культуру китайской нации как в прошлом, так и в настоящем, а именно, всю культуру Китая [1].

Рассматривая культуру дракона, следует обратить внимание на то, что

каждая часть изображения дракона имеет свой особый, скрытый смысл:

1. Лоб – ум.
2. Рога оленя – государство и долголетие.
3. Уши быка – подчеркивают его первенство и главенство.
4. Глаза тигра – грозность.
5. Лапы ястреба – смелость
6. Брови в форме меча – боевитость.
7. Нос льва – богатство и знатность.
8. Хвост золотой рыбки – ловкость.
9. Зубы лошади – трудолюбие и добро

Пан Цзинь считает, что китайцы преклонялись перед драконом из поколения в поколение, так как, во-первых, императоры всех династий укрепляли свой авторитет, ассоциируя себя с драконом, благодаря его выдающимся функциям, поэтому даже их троны украшались орнаментом дракона. Во-вторых, в преклонении перед драконом символизируется преклонение перед природой, потому, что в представлении простых людей дракон – фантастический повелитель водных стихий. Население принимает дракона за защищающего их бога, что позволяет самым благодарным из них получить богатый урожай всех зерновых культур [1].

Другой исследователь, господин Вэнь И-до, очень высоко оценил культуру дракона, утверждая, что она является культурным центром на протяжении тысяч лет истории Китая [2, с. 53].

В культуре дракона Китая традиционно заключается разнообразный смысл. В образе «дракона» содержатся многообразные воззрения о взаимоотношении природы с человеком, их сливании в единое целое, моральные нормы добра, любви и уважения к людям, представления о соединении Инь и Ян и другие значения.

Таким образом, культура дракона в Китае играла очень важную, базовую функцию для своей консолидации. Не случайно, именно образ дракона попал в поле внимания русских поэтов-эмигрантов.

Интерпретация образа дракона в произведениях Всеволода Иванова и Арсения Несмелова

В своем исследовании мы обратимся к произведениям двух русских поэтов, это стихотворения «Дракон» Всеволода Иванова (1888-1971) и «Легенда о драконе» Арсения Несмелова (1889-1945). Прежде чем знакомить читателей с содержанием самих произведений, мы приведем краткую справку о самих поэтах.

Русский поэт, писатель, редактор, Всеволод Иванов окончил Петербургский университет в 1911-м году, в 1922-м году переехал в Тяньцзинь Китая. В 1945-ом г. Вс. Иванов вернулся в бывший СССР, где поселился в городе Хабаровске. Он стал членом Союза писателей СССР. Во время проживания в Китае, Вс. Иванов создал много стихов, в которых изобразил китайские обычаи и нравы, китайскую традиционную культуру. К такого рода стихам относится и его знаменитый «Дракон».

Дракон [3, с. 411]

Фонарь из пузыря. Висит он белой грушей,

Лениво-матовой, как будто жемчуга.

Над ним же приподнял коричнево рога

Дракон, извившийся своею узкой тушей.

Смотри на формы те, замолкни и послушай:

«Давно, давно, когда лишь берега
В потопе поднялись и залегла в

лога

Вода, что сброшена вновь прояв-
ленной сушей,

Тогда суставами поверстаны де-
ревья,

Туманы над землей, а на живот-
ных перья,

И жизнь на островах среди без-
брежных рек.

Тогда летали те грозящие драко-
ны»,

И знал китаец их на облаках
огромных

От дивных дней последний чело-
век.

Другой поэт, Арсений Несмелов — псевдоним Арсения Ивановича Митропольского. В 1924 году он бежал из СССР, перейдя китайскую границу, и поселился в Харбине, в Маньчжурии, где более чем на два десятилетия занял прочное положение «лучшего русского поэта Китая». В августе 1945 года, когда советские войска вошли в Харбин, поэт был арестован и вывезен в СССР. В пересыльной тюрьме на станции Гродеково Несмелов заболел и умер от кровоизлияния в мозг [4].

Арсений Несмелов - может быть охарактеризован и как русский поэт «серебряного» века, и как представитель приехавших в Китай русских поэтов-эмигрантов первого поколения. Он обогатил сокровищницу русской литературы талантливыми произведениями в стихах и прозе, созданные им за двадцать лет жизни в Китае. Уже после смерти ему удалось добиться признания и он занял достойное место в истории русской поэзии и литературы. Творчество Арсения Несмелова многогранно и мало исследовано, оно нуждается в своем дальнейшем и тщательном изучении [5, с. 17].

По нашему мнению, в наиболее кон-

центрированном виде культурные, мировоззренческие позиции А. Несмелова представлены в его «Легенде о Драконе» [6, с. 145].

Легенда о драконе

Уже утрачено

Его название,

Уже никто

Не вспоминает год, –

Вверх по Янцзе

(Так говорит предание)

Шел первый

Океанский пароход.

...

Усталый ветер

Треплет парусиной

И ласково лепечет о грозе...

И в блеске молний выгибает
спину,

Драконью спину –

Голубой Янцзе.

В центре двух произведений русских поэтов оказалась одна и та же тема – тема дракона, и хотя раскрывается она ими по-разному, есть нечто общее в их отношении к культуре. Известно, что «Поэзия для человека – один из способов выражения своей личности», – писал Николай Гумилев в своих «Письмах о русской поэзии» [7, с. 20]. Это общее, что объединяет мастеров поэтического слова из России – любовь к Китаю. Любовь проявляется прежде всего во внимательном, чутком, заинтересованном отношении к незнакомой для них культуре, в желании понять ее, проникнуть в скрытый смысл образов, символов, мифов неизвестной для них культуры. Пригласить к этому трудному процессу понимания, постижения, освоения новой для них культуры и своих читателей, русских собратьев-эмигрантов.

Известно, что контакты различ-

ных культур могут принимать разный характер – от дружеского до безразличного и открыто враждебного, связанного не только с неприятием иной культуры, но и желанием отстраниться от нее, ее замолчать, не замечать, а подчас и разрушить и уничтожить. Так, в результате «открытия» народов Нового света многие самобытные культуры были уничтожены европейскими завоевателями.

В восприятии русских поэтов мы встречаем отношение к незнакомой для них культуре как равной, а в чем-то даже превосходящей по своим изощренным эстетическим и моральным канонам, а значит, достойной для понимания, узнавания, осмысления, переживания, освоения. Вот к этому восприятию новой, незнакомой для них культуры, и приглашают своих читателей русские поэты.

Они словно сговорились и выбрали один объект восприятия и описания – дракона, но в осмыслении этого мифологического персонажа у них появляются различные представления и выводы.

Всеволод Иванов в своем стихотворении обратил внимание, прежде всего, на внешние, поверхностные черты дракона, которые он видит в свете фонаря, но эта поверхностность и первичность позволяет ему углубляться в древность и в более сложное восприятие мифологии, что позволяет выйти на уровень универсальных обобщений. Уже в следующих строфах стихотворения, после того, как он ознакомил читателя с внешним обликом дракона, мысль автора переносится в глубокую древность, «время потопа», чтобы подчеркнуть древность самой культуры Китая, ее соразмерной времени драконов. Это тот период, когда «знал китаец их на облаках огромных / От дивных дней

последний человек». Это не историческое время, это время культурное, время, осмысляемое с точки зрения единства порождения мифов о драконе с появлением самого человека, создателя этого мифа, китайца, творца китайской цивилизации. Таким образом, для поэта создание человека соразмерно с созданием его культуры, его мифологии, они неразрывны, соразмерны друг другу и не существуют в отрыве друг от друга. Его мысль совершает восхождение от конкретного восприятия отдельного предмета – дракона на вывеске дома к абстрактному, к высоким обобщениям, характеризующим всю культуру народа.

Арсений Несмелов отталкиваясь от образа дракона, идет по иному пути. Для него более важную роль имеет не мифическое, а конкретно-историческое время, та ситуация, которая сложилась в современном ему Китае. Для него мифический дракон – это образ самого, современного ему, Китая. И к мифу о драконе он прибегает для того, чтобы описать в художественной форме ту ситуацию, которая видится ему в отношениях Китая с рядом европейских стран, так или иначе участвующих в ограблении китайского народа. Как легендарный дракон когда то проглотил «Гудком гремевший / Вражий пароход», о чем в народе Китая « И в это лихолетье / Преданье вспоминают / И поют...Поют...». Народ Китая помнит о былом сопротивлении иностранному насилию, опобеде, и морально готов вновь к открытому сопротивлению. И это чувствуют иностранные поработители Китая: «И вахта на английской канонерке / Не спит. / Молчит. / И чувствует врага». В образе «вахты», а в данном случае она является представителем иного народа, поэт в двух – трех строчках сумел выразить иное воспри-

ятие культуры не просто как чуждого, а как враждебного мира. Для «вахты» окружающий мир полон угрозы, опасности, он лишен интереса, ее не привлекает старинная, причудливая культура Китая и сам китайский народ. В таком состоянии контакт культур невозможен, он «закрыт» для диалога, общения, освоения. Поэт прямо не предсказывает, чем может закончиться столкновение двух враждебных культур – «культуры дракона» и «культуры канонерок», но его обращение к образу дракона, а за ним скрывается и с ним ассоциируется весь китайский народ, подводит нас к неизбежному выводу о грядущей победе «дракона», по крайней мере, именно этой победы сочувствует и желает и сам автор стихотворения. Здесь поэт проходит иной путь построения образа дракона – от мифического, обобщенного и достаточно абстрактного его восприятия к конкретной ситуации английской канонерки. К сожалению, сам автор не дожил до того времени, когда поэтические образы, созданные им в фантазии, обрели земное существование и завершились исторической победой китайского народа, созданием независимого, свободного и суверенного государства – КНР. Именно эмиграция сделала из Арсения Несмелова писателя трагического склада [8, с. 26], во многом предвосхищающего, предвидящего будущее.

Заключение

Творчество русских поэтов-эмигрантов, Арс. Несмелова и Вс. Иванова, падающее на время их пребывания в Китае, отличается интенсивный и очень плодотворный характер. Оно происходило в чрезвычайно сложной в экономическом, социально-этническом и политическом отношениях среде, в незнакомой, непривычной для них

культуры. Она была чрезвычайно насыщена китайским национальным колоритом: природой, бытом, нравами, символикой и мифологией, религией и философией. В результате взаимодействия двух культур русская эмигрантская литература в Китае получила дополнительные характеристики. С одной стороны, она по-прежнему сохраняла черты, характерные для русской классической словесности – гуманизм, народность, демократизм, чувство сострадания и сочувствия к угнетенному и несчастному человеку, с другой стороны она стала воспринимать новые этнические и исторические реальности и отражать их новой художественной форме. В результате, на что указывают некоторые китайские исследователи, это уже была «не чистая русская литература, и не чистая китайская литература». Профессор Ли Янь-лин называет её «полукитайской литературой». Такое наименование она получила потому, что она восприняла некие черты китайской культуры. Ее стали характеризовать китайская тема, китайский общественный фон, китайская природа, китайские нравы и обычаи, китайская традиция, китайская точка зрения на эстетику и т. д. Но по сравнению с «полукитайской литературой», «полурусская литература» занимает в ней большую долю своего удельного веса [5, с. 19]. По нашему мнению, это происходит потому, что ветка китайской культуры прививается на русскую культурную основу, осмысливается с точки зрения уже сложившейся русской традиции, в символах и понятиях русской культуры, в рамках тех приемов построения художественного образа, которые характеризует русскую национальную литературу и поэзию. Русские мастера пользовались русским языком, в основном применя-

ли русский образ мышления и эстетические привычки.

В прочем, формулировка «полуки-тайская литература», без сомнения, сыграла свою прогрессивную роль в характеристике русской и китайской литературы. Мы бы употребили здесь другой термин, более адекватно отражающий получившийся культурный синтез и более присущий научному описанию взаимопроникающих, взаимодействующих процессов и их продуктов. Эту культуру можно назвать синкретичной, сложной, по характеру тех черт, элементов, ее содержания, которые она включает в свой состав, таким образом обогащая культуру. В статье большее внимание было обращено на те художественные черты культуры, которые отличает чрезвычайно богатый китайский национальный колорит, сложившийся в практике поэтического творчества этих двух поэтов.

References

- [1] Pan Jin. The historical function of Dragon culture: spiritual essence and important mission // URL: <https://wenku.baidu.com/view/9dcd31dd7f1922791688e8de.html> (04.03.2020)
- [2] Tian Xing-ying, Wang Tsz-juan. On the use of favorable symbols in the image of the image at the enterprise // Management strategy. 2008. № 10. 53 p.
- [3] Li Yanlin. Series of literature of Russian emigrants in China (in Russian) // Li Yanlin. Beijing: Publishing house of Chinese youth, 2005. Vol. 2. 411 p.
- [4] Alexandra Belousenko. Arseny Nesmelov (Nasto. Arseny Ivanovich Mitropolsky) // URL: http://www.belousenko.com/wr_Nesmelov.htm. (31.03.2020)
- [5] Gu Yun-poo. About Arseny Nesmelov and his poems // Russian literature and art. 2002. № 6. P. 16-19.
- [6] Li Yanlin. Series of Literature of Russian Emigrants in China (in Russian) / Li Yanlin, Beijing: Chinese Youth Publishing House, 2005. Vol. 2. 15 p.
- [7] Gumilev N. Letters about Russian poetry // Gumilev N. Works: In 3 volumes. M.: 1991. Vol. 3. 20 p.
- [8] Tatiana Savchenko. Arseny Nesmelov: Personali-

ty and destiny // Development personality. 2003. № 3. P. 24-41.

Список литературы

- [1] Пан Цзинь. Историческая функция культуры Дракона: духовная суть и важная миссия // URL: <https://wenku.baidu.com/view/9dcd31dd7f1922791688e8de.html> (03.04.2020)
- [2] Тянь Син-ин, Ван Цзи-цзюань. Об использовании благоприятных символов в изображении образа на предприятии // Менеджерская стратегия. 2008. № 10. 53 с.
- [3] Ли Яньлинь. Серия литературы русских эмигрантов в Китае (на русском языке) // Ли Яньлинь. Пекин : Изд-во Китайской молодежи, 2005. Т.2. 411 с.
- [4] Александра Белоусенко. Арсений Несмелов (Насто. Арсений Иванович Митропольский) // URL: http://www.belousenko.com/wr_Nesmelov.htm. (31.03.2020)
- [5] Гу Юнь-пу. О Арсении Несмелове и его стихах//Русская литература и искусство. 2002. № 6. С. 16-19.
- [6] Ли Яньлинь. Серия литературы русских эмигрантов в Китае (на русском языке) / Ли Яньлинь. Пекин : Изд-во Китайской молодежи, 2005. Т. 2. 145 с.
- [7] Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М.: 1991. Т. 3. 20 с.
- [8] Татьяна Савченко. Арсений Несмелов: Личность и судьба // Развитие личности. 2003. № 3. С. 24-41.

Ли Чжуовэй

Студент бакалавр.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Матрешка в Китае*

Аннотация. Традиционные сувениры – это особенные сувениры в части межкультурного взаимодействия, ведь история государств насчитывает не одно столетие, и за это время произошло множество событий, которые, так или иначе, получили своё отражение в национальном созидании. Наиболее распространёнными и известными памятными изобретениями являются незатейливой красоты игрушки, которые обладают уникальной энергетикой и необъяснимо притягивают к себе. В национальной игрушке по-своему отражаются общественный уклад, быт, нравы и обычаи, достижения ремесла, техники и искусства. Каждый народ создавал собственные игрушки, передавая в них своё мироощущение. Игрушки разных стран и континентов различны и своеобразны, но есть в них общие черты. У многих народностей мира встречаются однотипные игрушки, со сходством конструкций, фигур и декора. Это подобие объясняется общностью культурных традиций: единым естественным эстетическим чувством.

Гладкая и крепкая русская матрешка – распространённый образ в Китае. Матрешка, как водка, балет и «Подмосковные Вечера», стала важным культурным элементом, способствующим углублению дружбы между русским и китайским народами. В статье рассмотрены вопросы существования традиционной и авторской матрешки как явления народной культуры. Описываются примеры выполнения авторской матрешки. Раскрываются особенности росписи матрешки в процессе творческого эксперимента в декоративно-прикладном искусстве и дизайне. Указываются педагогические условия, способствующие творческому процессу.

Ключевые слова: матрешка, декоративно-прикладное искусство, Китай, народное искусство, дизайн, художественное образование.

Li Zhuowei

Undergraduate student.

Saint Petersburg Polytechnic University Peter the Great Polytechnic University.

Matryoshka in China

Abstract. Traditional souvenirs are special because the history of nations goes back more than a century, and during that time there have been many events that, in one way or another, have been reflected in the nation's creation. The most common and well-known souvenirs are unpretentious toys, which have a unique energy and inexplicably attract. A national toy reflects in its own way the society, way of life, mores and customs, achievements in craftsmanship, technology and art. Every nation created its own toys, conveying their world view. Toys from different countries and continents are different and unique, but there are some common features. Many

* © Ли Чжуовэй, 2021.

Матрешка в Китае

nations of the world have similar toys, with similar designs, figures and decorations. This similarity is explained by the commonality of cultural traditions: a common nature of the aesthetic sense.

The sleek and sturdy Russian matryoshka is a common image in China. Matryoshka, like vodka, ballet and Moscow Nights, has become an important cultural element, contributing to deepening friendship between the Russian and Chinese peoples. The article deals with the existence of traditional and author matryoshkas as a phenomenon of popular culture. Examples of matryoshkas are described. The features of painting matryoshkas in the process of creative experiment in arts and crafts and design are revealed. The pedagogical conditions contributing to the creative process are indicated.

Key words: matryoshka doll, decorative-applied art, China, folk art, design, art education.

Единственный в Китае большой сад в русском стиле с изображением матрешки в качестве тематического направления, расположенный в Маньчжурии был спланирован и построен на китайско-российской границе,

В парке находится самая большая в мире площадь матрешек, а в центре площади высотой 30 метров возвышается гостиница в форме матрешки, которая в настоящее время является самой большой матрешкой в мире¹. Кроме нее в саду представлено еще 192 матрешки.

Кроме того, магазины и комнаты выполнены в виде матрешек, что очень интересно. Наверху голубое небо и белые облака, а внизу – матрешки на лугу, сливающиеся друг с другом. Такой красивый пейзаж очень приятен, и вызывает желание незамедлительно отправиться в поход в небольшой город Чанчжэн, провинция Хэйлунцзян, где построена крупнейшая в мире база по производству матрешек.

Окруженный с трех сторон горами, город богат лесными ресурсами. Транспортное сообщение здесь удобное, еще более ста лет назад была открыта железная дорога, которая получила название «Китайско-Восточная железная доро-

га» (Сокращенно КВЖД²).

Железная дорога способствовала развитию торговли, и здесь поселялось большое количество русских бизнесменов, которые привозили русских архитектурных и ремесленных кукол. Простые в освоении, простые в изготовлении и симпатичные на вид матрешки полюбили местные жители. Некоторые сельские жители, осмелившиеся внедрять новшества, начали учиться делать матрешки. Позже некоторые смелые энтузиасты даже отправились в Россию, чтобы научиться мастерить матрешки и сочетать их с традиционным китайским мастерством изготовления деревянных изделий. Сейчас здесь более 3000 сельских жителей занимаются изготовлением матрешек. Из них можно сделать до 20 слоев матрешек, а самый маленький – размером с сою. Мастерство изготовления и моделирование матрешки также получили большое развитие. Здесь представлены популярные китайские народные боги и куклы удачи, всемирно популярные сказочные анимационные персонажи, а также портреты политических деятелей и знаменитостей из разных стран. Продукция хорошо принята Китаем и Россией, которую приветствуют дети и даже взрос-

1 Михайлов Н.В. Практический опыт применения авторской методики кистевой росписи на занятиях в мастерской матрешки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 2. С. 161-167.

2 Мереняшева М.А., Мереняшева А.В. Матрешка как идеальная модель обучения методу художественно-композиционного моделирования в дизайне // Перспективы науки образования. 2017. № 6 (30). С. 61-65.

Источник изображения: <https://new.qq.com/rain/a/20200824A0FBY800>

Источник изображения: <https://image.baidu.com>

Источник изображения: http://blog.sina.com.cn/s/blog_49a1439201000bb0.html

лые со всего мира, она стала «зеркалом» разностороннего развития мирового народного промысла. Он заслуженно считается «Родным городом Матрешки»³.

3 Разуменко И.А. Методическое сопровождение самостоятельной работы студентов художественных специальностей // Современные тенденции изобразительного, декоративно-прикладного искусств и дизайна. 2019. № 1. С. 64-67.

Распространение матрешки в Китае перешло от жизни и производства к культурному и художественному творчеству, став источником вдохновения и размышлений. В дизайне некоторых промышленных товаров говорится, что дизайн продукта вдохновлен матрёшкой. Например, новый тип регулируемой ган-

тели может увеличивать вес, вкладывая слой за слоем, и может быть отрегулирован от легкого до тяжелого в течение нескольких секунд с помощью быстрого введения или выброса. Он очень подходит для ежедневных упражнений. Внешний вид и принцип гнездования унаследованы от матрешки. («Новые регулируемые гантели, вдохновленные куклами-матрешками»). Некоторые учителя средних школ умно позаимствовали матрешки, с которыми ученики средней школы часто любят играть, рассказывая о романе известного романиста Чехова «Человек в футляре». Вложенная структура, чтобы прояснить структуру истории. Персонажи романа, естественно, делают вывод, что чем глубже характеры персонажи, тем они важнее, что очень легко понять учащимся и вызвать сильный интерес к роману. (Шан учредил «Замечательное решение русской матрешки «Человек в матрешке», 2014).

В некоторых литературных и художественных произведениях в качестве темы и темы напрямую используется «Русская матрешка», а основное содержание поется и рассказывается. Например, роман Бу Цинсяна «Русская матрешка» («Река Ялу» 2001.12), Ян Шаохэн «Русская матрешка» («Ежемесячный роман» 2007.3), Хе Эрсан, «Матрешка Анны» («Избранные мини-фантастики» 2012.3), Чжан Юй «Русская матрешка (Часть вторая)» («Литература Фуцзянь» 2015.11); Например, такие поэтические произведения, как «Русская матрешка» Лю Хунмина («Poetry Trend» 2012.4), Сяобутуо «Русская матрешка» («Китайская поэзия» 2013.8), и многое другое. От начала до конца он всегда пронизан сплавом русской и китайской культур, и читать его довольно интересно. Очевидно, если бы вы с детства не играли в матрешки и плохо знакомы с культурой матрешек, вы бы

не смогли написать эту статью. Как и я, сейчас у меня на столе русская матрешка – пять в одной, играть с которой, стало для меня большим удовольствием после учебы и работы.

References

- [1] Kravchenko K.A., Kostenko V.I. Principles of development of constructive-plastic perception of students // *Philosophy of Education*. 2017. № 4 (73). P. 197-205.
- [2] Kupchenko L.A. The suit as a symbolic system of interpersonal communications // *Modern trends in fine, decorative and applied arts and design*. 2019. № 1. P. 136-140.
- [3] Merenyasheva M.A., Merenyasheva A.V. Matryoshka as an ideal model of teaching the method of art-compositional modeling in design // *Prospects for Science of Education*. 2017. № 6 (30). P. 61-65.
- [4] Mikhailov N.V. Practical experience of using the author's brush painting technique in the classroom in the matryoshka workshop // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*. 2018. № 2. P. 161-167.
- [5] Razumenko I.A. Methodological support of independent work of students of art specialties // *Modern trends in fine, decorative and applied arts and design*. 2019. № 1. P. 64-67.

Список литературы

- [1] Кравченко К.А., Костенко В.И. Принципы развития конструктивно-пластического восприятия студентов // *Философия образования*. 2017. № 4 (73). С. 197-205.
- [2] Купченко Л.А. Костюм как знаковая система межличностных коммуникаций // *Современные тенденции изобразительного, декоративно-прикладного искусств и дизайна*. 2019. № 1. С. 136-140.
- [3] Мереняшева М.А., Мереняшева А.В. Матрешка как идеальная модель обучения методу художественно-композиционного моделирования в дизайне // *Перспективы науки образования*. 2017. № 6 (30). С. 61-65.
- [4] Михайлов Н.В. Практический опыт применения авторской методики кистевой росписи на занятиях в мастерской матрешки // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*. 2018. № 2. С. 161-167.
- [5] Разуменко И.А. Методическое сопровождение самостоятельной работы студентов художественных специальностей // *Современные тенденции изобразительного, декоративно-прикладного искусств и дизайна*. 2019. № 1. С. 64-67.

Пэн Юнтао*Докторант Хэйлунцзянского университета, Харбин, КНР.***Обоснование теории взаимоотношений
автора и героя М.М. Бахтина***

Аннотация. В статье исследуется вопрос обоснования М.М. Бахтиным теории взаимоотношений автора и героя на разных и поздних этапах развития данной концепции. Автор акцентирует внимание на том, что в рамках своей объяснительной модели М.М. Бахтин объединил категорию «бытие» с человеческим поведением, позиционируя индивида как особый ценностный центр архитектоники объекта в эстетической деятельности, а также ввел в научный оборот дефиницию «внеаходимость». Одновременно мыслитель сумел интерпретировать феномен человеческой жизни как феномен культуры в рамках его восприятия. В рамках описанной системы истолкования текста (как совокупности взаимосвязанных знаков) М.М. Бахтин сумел аргументировать тезис о том, что если творец хочет раскрыть свой образ, он должен стать по отношению к себе в позицию внеаходимости, взглянув на себя со стороны. Данная позиция дает субъекту возможность отождествления с другим человеком, с последующим возвращением к авторскому видению.

Ключевые слова: Бахтин, внеаходимость, полифония, логическая спекуляция, автор, герой, эстетическая деятельность.

Peng Yongtao*Doctoral student, Heilongjiang University, Harbin, China.***Substantiation of the theory of the relationship between
the author and the hero M.M. Bakhtina**

Abstract. The article examines the issue of justifying M.M. Bakhtin's theory of the relationship between the author and the hero at different and later stages of the development of this concept. The author focuses on the fact that, within the framework of his explanatory model, M.M. Bakhtin combined the category of "being" with human behavior, positioning the individual as a special value center of the architectonics of an object in aesthetic activity, and also introduced the definition of "out-of-accessibility" into scientific circulation. At the same time, the thinker was able to interpret the phenomenon of human life as a cultural phenomenon within the framework of his perception. Within the framework of the described system of interpretation of the text (as a set of interrelated signs) M.M. Bakhtin was able to argue the thesis that if the creator wants to reveal his image, he must become in relation to himself in a position of being outside, looking at himself from the outside. This position gives the subject the opportunity to identify with another person, with a subsequent return to the author's vision.

Key words: Bakhtin, outsideness, polyphony, logical speculation, author, hero, aesthetic activity.

* © Пэн Юнтао, 2021.

Обоснование теории взаимоотношений автора и героя М.М. Бахтина

Введение

М.М. Бахтин - один из крупнейших литературоведов и искусствоведов, теоретиков литературы, философов-языковедов, семиотиков и мыслителей XX века. Некоторые ключевые понятия его литературной теории, такие как «полифония», «диалог», «карнавализация», «многоголосие» и «внеаходимости» стали основными элементами дискурса гуманитарных исследований в СССР, России и зарубежной науке. Идейное разнообразие творческого наследия мыслителя и его интеллектуальное богатство обусловили более чем ощутимое влияние М.М. Бахтина на развитие мировой поэтики XX века¹. Французский теоретик структурализма Ц. Тодоров отмечал: «Бахтин - очень обаятельная и загадочная фигура. Его богатые и самобытные произведения не имеют себе равных ни в одном из достижений гуманитарных наук Советского Союза. Его мысли настолько разнообразны, что люди иногда даже задаются вопросом, исходит ли все это от одного же человека»². Однако разнообразие и открытость объяснительных моделей нельзя рассматривать как признак абсолютной оригинальности, выражающейся в отрыве от наработок предшественников. Его новаторские идеи в области этической философии и философской антропологии выстраивались на основе концепций, разработанных предшественниками, либо заимствований из творчества коллег. Так, неокантианцы, представленные Г.А. Коэнном, сыграли огромную роль в формировании основы концептуаль-

ных подходов М.М. Бахтина. Теория «я и другой», разработанная Г.А. Коэнном, стала важным составным элементом авторского подхода М.М. Бахтина, как, впрочем, и философский исследовательский метод эстетики. В рамках изучения человеческой субъективности М.М. Бахтин экстраполировал положения теоретической модели «я и другие» в области философии на исследовательское поле эстетики, создав категорию «автор и главный герой»³. Мыслитель использовал философские антропологические методы исследования для изучения эстетики, создав для этого оригинальный дискурс за счет эстетизацию этической философии и этиализацию эстетики. Основой для этого послужил тезис о том, что человек представляет собой специфический ценностный центр в построении объекта эстетической деятельности, а категория «автор и герой» является его воплощением этого ценностного центра. За счет этого М.М. Бахтин построил полный набор методов логической умозрительного анализа предмета исследования на основе принципа «внеаходимости»⁴.

1. Четко прописанная и диалектическая основа философии поступка

Переход от системы «я и другие» в этической философии к отношениям между «автором и героем» в области эстетики стал для М.М. Бахтина первым шагом к выработке своей оригинальной исследовательской концепции. В статье «К философии поступка»

3 Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: страницы жизни и творчества. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1993. С. 72.

4 Аксёнов А.В. Внеаходимость и диалог (философско-эстетическое наследие М.М. Бахтина в свете проблем рецептивной эстетики) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. № 1 (26). 1999. С. 7; Богуславская С.М. Диалог в трудах М.М. Бахтина // Вестник ОГУ. 2011. № 7 (126). С. 19.

1 Тамарченко Н.Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества (Филология в лицах) // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 293.

2 Todorov T. Critique de la critique: un roman d'apprentissage. – М.: Éditions du Seuil, 1984. P. 12.

М.М. Бахтин обратился к изучению основных конструктивных факторов реального мира, одновременно обсуждая сущность эстетической деятельности как формы поведения и этику художественного творчества. Также исследователь подверг анализу поведение как объект этики и предложил ввести в научный оборот ряд этических категорий, таких как «бытие», «событие», «ответственность», «долженствование», «присутствие», «отсутствие» и т. д. Их внедрение позволило обосновать уникальность существования «я» как «реального человека» и единства и целостности умозрительного «я». С точки зрения М.М. Бахтина, бытие равнозначно событию. Поскольку «я» размышляет о вещах, оно, возможно, связано с ними. «Я» не может доказать свое отсутствие, вынуждено признать свое участие через присутствие. Это порождает долженствование для личности, а также придает «я» ценность, в том числе - культурная ценность. «Человек здесь вовсе не по хорошему мил, а по милу хорош»⁵. За счет этого вырабатывается субъективность любого оценочного суждения: по мнению М.М. Бахтина, все ценности и смыслы в мире проявляются лишь посредством человеческого восприятия и формирующих его смыслов и критериев. Через эстетическую заботу он осознал объективный результат эмпатии, тем самым сделав «я» уникальным и законченным. Через эстетическую рефлексию оно отражает взаимность субъекта. Сделать «я» единым и самодостаточным, и за счет этого еще больше подчеркнув его уникальность как особого ценностного центра, а также важность участия «я» в бытие как события⁶.

Мыслитель выразил это в следующей сентенции: «я причастен бытию единственным и неповторимым образом, я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое и непроницаемое для другого место»⁷. В связи с этим, «всякий находится на единственном и неповторимом месте, всякое бытие единственно... Поскольку я мыслю мою единственность как момент моего бытия, общий со всем бытием, я уже вышел из моей единственной единственности, стал вне её и теоретически мыслю бытие»⁸.

Бахтин впервые продемонстрировал, что человек является центром всех ценностей в мире, тем самым обозначил их незаменимость и уникальность во времени и пространстве, постепенно усовершенствовав концепцию «вне-находимости». Отношения между «я и другими» рассматриваются в эстетической категории вместе с текстом как объектом исследования, чтобы реализовать эстетическую эквивалентность философских мыслей, тем самым выявив отношения между автором и главным героем. Между ранними и более поздними взглядами М.М. Бахтина на эти категории существуют различия. В более ранний феноменологический период М.М. Бахтин считал, что сознание автора (или сознание сознания) охватывает одновременно сознание героя и его мир. В принципе, автор находится вне самого героя. Причина, по которой автор может реализовать эстетическую заботу о персонаже в целом, заключается в его позиции, предполагающей «избыток видения и знания», то есть «я» в категории «я-для-себя», «всегда наличный по отношению ко всякому другому

5 Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари языка славянской культуры, 2003. С. 57.

6 Обухова Т.М. «Вне-находимость» в ди-

алоге культур (по работам М.М. Бахтина // Языки. Культуры. Перевод. 2013. № 1. С. 371.

7 Там же. С. 38.

8 Там же. С. 38.

человеку избыток моего видения, знания, обладания обусловлен единственностью и незаместимостью моего места в мире». ⁹ В связи с этим, «сознание героя, его чувство и желание мира - предметная эмоционально-волевая установка - со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире; самовысказывания героя охвачены и проникнуты высказываниями о герое автора» ¹⁰. Таким образом, М.М. Бахтин выдвинул свою собственную концепцию «внеаходимости». Она предполагала, что «я» видит себя вне себя, и это должно зависеть от других, что определяет, что «я» может видеть других нечто неочевидное для них самих, а другие могут видеть в «я» то, чего он сам не различает, поэтому только в мире «других» возможно проявление эстетического, сюжетного, самооценного движения. В целом философ пришел к пониманию того, что люди должны рассматриваться как ценностный центр эстетического построения, чтобы осознать уникальность всех факторов, связанных со временем, пространством и смыслом, тем самым конструируя завершенное жизненное событие. Таким образом, Бахтин сначала завершил преобразование философской категории в эстетическую, выдвинул точки зрения «надзора» и «внешнего воздействия» в эстетической деятельности, а затем установил ряд законченных философских оснований для выражения системы отношений автора и героя через систему логических доказательств.

2. Комплексное и всестороннее отношение к тексту

Посредством критики и опровер-

⁹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари языки славянской культуры, 2003. С. 104.

¹⁰ Там же. С. 95.

жения конструктивизма и формалистической нарратологии Бахтин вывел философскую концепцию, основанную на стержневой категории «внеаходимости». Развивая затем с модель взаимоотношений автора и героя, он выдвинул концепцию «текста как речи». В таких работах, как «Проблемы творчества Достоевского», «Вопросы литературы и эстетики», «Язык в художественной литературе», «Проблема текста», а также «Формальный метод в литературоведении», «К философским основам гуманитарных наук» М.М. Бахтин отмечал ключевую роль задачи по овладению текстом и его осознанию. Прежде всего М.М. Бахтин выступил против узкого взгляда, согласно которому, что семиотика рассматривает текст только как языковую систему, отстаивая необходимость понимания текста в широком смысле. Как заявлял исследователь, «если понимать текст широко — как всякий связный знаковый комплекс, то и искусствование (музыковедение, теория и история изобразительных искусств) имеет дело с текстами (произведениями искусства)» ¹¹.

С одной стороны, он переосмыслил понятие текста с макроперспективы и расширил его инклюзивность и многообразие, а с другой, рассматривал текст как целостное явление, состоящее из взаимодействия трех элементов — автора, произведения и читателя, выражая тем самым понимание специфических коннотаций и характеристик текста. Как считал М.М. Бахтин, извне у текста есть субъект и автор, поэтому текст - это субъективное отражение объективного мира. При этом внутри текста, между его составными частями, развиваются диалогические отноше-

¹¹ Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 306.

ния. Поэтому текст представляет собой вторичное сознание, сознание авторского сознания. Согласно общей точки зрения, текст - это первая реальность гуманитарного исследования, система знаков, имеющих общее значение. М.М. Бахтин не только рассматривал текст как чистую речь, передающую целевое содержание транслируемых смыслов, но также глубоко понимал внутренние законы этого явления и важное значение его формирования и создания. Он также подчеркивал разговорный, а точнее дискурсивно-разговорный характер текста. Согласно его точке зрения, текст - это не только явная форма чистых символов, состоящих из слов, фраз, предложений и глав, но также невидимая форма выражения внутренней мысли автора и передачи эмоций в процессе создания, поэтому роль текста состоит в том, чтобы позволить читателю осознать авторское сознание, то есть сознание сознания, но это не просто суперпозиция сознания, а общение и диалог между двумя сознаниями, направленные на то, чтобы достичь глубокого понимания и освоения коннотации явного и невидимого текста.

В процессе этого взаимодействия возникают два «голоса» и два субъекта. Каждый голос и субъект одновременно и независимы друг от друга, и взаимозависимы, и не могут заменить друг друга. Когда читатель воспринимает текст, он воспроизводит созданный автором образ, и в это время автор становится «невидимым героем» в тексте, становится объектом объекта, отражением отражения, оценкой оценки, а это определяется позицией «внеаходимости». С этой точки зрения, внутренний текст проявляется через наличие границ. Слова автора и героя в тексте следует оценивать с двух уровней ценности. Первый из них - это уровень героя, то есть уровень

понимания этики, второй - это уровень автора, отображающий как этический, так и эстетический компоненты. Эти два уровня существуют не параллельно друг другу. Они структурно расположены в шахматном порядке, что является существенной характеристикой диалога, порождаемого полифонией.

Если диалог превращается в чистый текст, следствием этого становится стирание границы полифонии, т.е. исчезновение глубокого смысла. В романе «Преступление и наказание» через авторское описание героя мы можем ознакомиться с представлениями Ф.М. Достоевского о добре и зле, через внутренний монолог и рефлексия Раскольникова мы можем осознать, что его сложные психологические изменения неподвластны автору. Но если диалог автора и героя рассматривать просто как чистый текст, устраняющий границы полифонии, то вся работа персонажа потеряет свою духовную коннотацию, и он станет куклой для читателя, действующей в соответствии с его желаниями и ожиданиями.

Устанавливая философский фундамент своей исследовательской модели, М.М. Бахтин позиционировал идею «внеаходимости» как основу для обоснования представления «диалогизмом» как стержневого элемента текста, обращал внимание на его внутренние границы, придерживался внешней позиции субъекта, с диалектической исторической точки зрения переосмысливал и локализовывал отношения между автором и героем¹².

3. Восприятие «деавторизации»

М.М. Бахтин последовательно отстаивал оригинальный подход к пониманию роли автора в тексте. Он рас-

12 Библиер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры. М.: Гнозис, 1991. С. 21.

смаатривал автора как отправную точку создания текста, одновременно разделяя его на два структурных элемента - «человека-автора» и «творца-автора», выдвигая концепцию первого автора и второго автора, что сильно отличалось от структуралистского варианта интерпретации нарратива, игнорирующего существование автора. От тенденции «авторского отступления» Маламеа до тезиса Деррида об «изгнании автора», от «смерти автора» Барта до «теории авторской функции» Фуко, структуралисты всегда отстаивали позицию «деавторизации», выступали против привязки автора к произведению и активно отрицали энтузиазм и инициативу автора. М.М. Бахтин считал, что отрицание статуса автора не означает, что его роль не должна исследоваться. Равным образом он полагал, что позиция структуралистов не является обоснованием отрицания наличия образа автора в произведении. По мнению М.М. Бахтина, всестороннее изучение текста предполагает необходимость с объективной позиции признать автора как субъекта, чтобы, в свою очередь, избежать излишней субъективности и односторонности понимания текста со стороны исследователя. Как специфический ценностный центр всех бахтинских событий, неповторимая уникальность человека определяет исследовательское направление философской антропологии с духом сопричастности в качестве стержневого элемента подхода исследователя. На этом основании М.М. Бахтин впервые признавал реальность существования автора. Он заявлял: «У всех текстов есть автор и сюжет».¹³ Автор является неизбежным фактором события существования произведения, участником внутренней структуры про-

изведения, не существует произведения без автора. Мы находим (понимаем, осознаем, трогаем, чувствуем) автора в любом произведении искусства.

Существование автора проактивно, а не пассивно и отрицательно, идет ли речь о компоновке структуры произведения или хронологии изложения событий, напрямую отражающих активное присутствие автора в тексте. Как уже было отмечено выше, Бахтин разделял автора в тексте на две формы существования: живого человека с реальной жизнью и автора, сочетающегося с творцом в контексте эстетической деятельности в тексте, то есть первого автора, который не создан, и второго автора, который создан. Их не следует путать между собой, потому что «абсолютно отождествить себя, свое «я», с тем «я», о котором я рассказываю, так же невозможно, как невозможно поднять себя самого за волосы»¹⁴.

Таким образом, М.М. Бахтин считал, что связь между собой и другими является предпосылкой всякого существования, а диалог – основным способом такого существования. Поэтому в рамках обсуждения второго автора вопрос обеспечения полифонии стал ключевой проблемой автора и героя. В понимании М.М. Бахтина авторский взгляд сводится к углубленному исследованию взаимоотношений автора и героя, которое нельзя игнорировать.

4. Обобщение и разделение типов отношений между автором и героем

Рассматривая текст с точки зрения «внеаходимости», М.М. Бахтин помещает отношения между автором и героем в контекст продуктивных эстетических условий, изучая взаимодействие

¹³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 264.

¹⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. С. 405.

актеров через раскрытие «первого автора» и «второго автора», заставляя автор исчезнуть из жизни героя, с точки зрения времени, пространства, ценности и смысла, используя способность избытка видения и знания, объединяя понимания мира героем и этический мир в единое целое. По мнению М.М. Бахтина, в случае отказа автора от позиции «внеаходимости» отношения между автором и героем проявляются в трех формах. Первая заключается в том, что автор управляет героем, который является «всезнающим и всемогущим» повествованием, сознание автора проникает в сознание героя, реакция автора отождествляется с реакцией героя. Герой в тексте – это марионетка автора, следующая его замыслам и всецело отображающая авторское мировоззрение¹⁵.

Во втором случае отказ от полифонии приводит к тому, что герой управляет автором. В этом случае автор может видеть мир только глазами героя и должен пребывать в рамках общей перспективы его эстетического взгляда. Этот метод повествования обозначается как «ограниченное повествование». Именно на основе его изучения М.М. Бахтин пришел к выводу о необходимости диалогических отношений между автором и героем, сформировав прототип теории полифонии.

Третий вариант предполагает возникновение ситуации, при которой в качестве героя выступает сам автор.

М.М. Бахтин всегда рассматривал технологическое разделение отношений между автором и героем как второстепенное и лежащее за пределами сферы исследования. В целом ранняя модель классификации М.М. Бахтиным отношений между автором и героем в основном базировалась на позиции

«внеаходимости», позволяющем раскрыть с разных повествовательных позиций отношения между персонажами в диалогическом ключе.

Стоит отметить, что ранние взгляды Бахтина на взаимоотношения автора и героя в его работах «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности» и «Проблемы поэтики Достоевского» весьма отличаются. Первоначально Бахтин рассматривал «я» как ценностный центр всех событий в мире, полностью признавал инициативу и энтузиазм «я» как субъекта, считая, что автор в области эстетики, как соответствующий предмету «я», всегда стоит выше позиции героя. Но позже М.М. Бахтин обнаружил в романе Достоевского, что автор не воспользовался «всезнающим и всемогущим» правом вмешиваться в сложное и многообразное сознание героя, а вступил с ним в диалог. Он отмечал: «Новая удожественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского — это всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя»¹⁶.

Позднее М.М. Бахтин отрицал авторскую способность к «избытку видения и знания», сводя позицию автора к равному положению с героем. Переход М.М. Бахтина от изначального неравенства авторов к отождествлению статусных позиций автора с трансцендентальными эстетическими привилегиями и героя, обладающего независимым сознанием, не является внутренне противоречивым.

15 Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 101.

16 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. – М.: Русские словари языка славянской культуры, 2002. С. 74.

С точки зрения теоретической основы предыдущая теория была выдвинута в период распространения «теории эмпатии», которая приравнивала эстетику к объекту, и популярности сциентизма. Чтобы преодолеть пресуппозицию теории, М.М. Бахтин соединил эстетику языкового творчества с эстетикой философии. Позже теория формировалась в контексте развития капитализма, человеческий дух постоянно материализовывался и вульгаризировался, права автора постоянно расширялись и обожествлялись, поэтому Бахтин переосмыслил отношения между автором и героем, используя теорию диалога и теорию полифонии, чтобы изменить этот дисбаланс. С точки зрения его философской теории, кажущаяся противоречивой взглядов мыслителя на разных этапах развития его концепции на самом деле не является реальной, поскольку разрешается в диалектическом ключе.

Заключение

Концепция взаимоотношений автора и героя всегда была важным элементом взглядов М.М. Бахтина на систему поэтики. Только признавая ее роль в процессе создания, развития и совершенствования произведения с динамической, эволюционной точки зрения, мы можем по-настоящему воспринять сущность взглядов М.М. Бахтина. Позиция мыслителя по поводу отношений между автором и героев имеет под собой четкую логическую идею. М.М. Бахтин, во-первых, заложил диалектическую философскую основу для познания отношений между автором и героем и разработал теоретическую «избытка видения и знания» и «внезаходимость», во-вторых, Бахтин установил говорящие характеристики текста, выявив различие между явным текстом

и невидимым текстом с этико-эстетического уровня, заложил ясный взгляд текста на отношения между автором и героем. В-третьих, он раскрыл образ автора, объяснил взаимоотношения автора и героя, обеспечил референтное значение сущности диалога. Наконец, Бахтин создал теорию полифонии, разделив отношения автора и героя, продемонстрировав влияние автора и героя друг на друга из внутреннего и внешнего всеобъемлющего целого, переведя автора из «всезнающего и всемогущего» в равный статус с героем. Теория Бахтина о взаимоотношениях между автором и героем не только выдвинула новые требования к развитию потенциала художественных произведений, но также открывает новые исследовательские перспективы для новаторства и дальнейшего развития теории литературы.

References

- [1] Aksyonov A.V. Outsideness and dialogue (philosophical and aesthetic heritage of M.M. Bakhtin in the light of the problems of receptive aesthetics) // Dialogue. Carnival. Chronotope. 1999. № 1 (26). P. 5-46.
- [2] Bakhtin M.M. Author and hero in aesthetic activity // Bakhtin M.M. *Sobr. cit.*: in 7 volumes. Vol. 1. - M.: Russian dictionaries of languages of Slavic culture, 2003. P. 69-263.
- [3] Bakhtin M.M. Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years. - M.: Fiction, 1975. 405 p.
- [4] Bakhtin M.M. To the philosophy of action // Bakhtin M.M. *Sobr. cit.*: in 7 volumes. Vol. 1. - M.: Russian dictionaries of languages of Slavic culture, 2003. P. 7-68.
- [5] Bakhtin M.M. The problem of the text // Bakhtin M.M. *Sobr. cit.*: in 7 volumes. Vol. 5. - M.: Russian dictionaries, 1997. P. 306-328.
- [6] Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics // Bakhtin M.M. *Sobr. cit.*: in 7 volumes. Vol. 6. - M.: Russian dictionaries of languages of Slavic culture, 2002. P. 7-300.
- [7] Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. - M.: Art, 1979. 495 p.
- [8] Boguslavskaya S.M. Dialogue in the works of M.M. Bakhtin // Bulletin of OSU. 2011. № 7 (126). P. 17-23.
- [9] Bibler B.C. Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or the poetics of culture. - M.: Gnosis, 1991. 363 p.

- [10] Konkin S.S., Konkin L.S. Mikhail Bakhtin: pages of life and work. – Saransk: Mordovskoe book publishing house, 1993. 379 p.
- [11] Obukhova T.M. "Exclusion" in the dialogue of cultures (based on the works of MM Bakhtin // Languages. Cultures. Translation. 2013. № 1. P. 369-379.
- [12] Tamarchenko N.D. Bakhtin's poetics and modern reception of his work (Philology in faces) // Voprosy literatury. 2011. № 1. P. 291-340.
- [13] Todorov T. Critique de la critique: un roman d'apprentissage. – M.: Éditions du Seuil, 1984. 198 с.

Список литературы

- [1] Аксёнов А.В. Вненаходимость и диалог (фило-софско-эстетическое наследие М.М. Бахтина в свете проблем рецептивной эстетики) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 1 (26). С. 5-46.
- [2] Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. – М.: Русские словари языка славянской культуры, 2003. С. 69-263.
- [3] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. 405 с.
- [4] Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. – М.: Русские словари языка славянской культуры, 2003. С. 7-68.
- [5] Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. С. 306-328.
- [6] Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. – М.: Русские словари языка славянской культуры, 2002. С. 7-300.
- [7] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. 495 с.
- [8] Богуславская С.М. Диалог в трудах М.М. Бахтина // Вестник ОГУ. 2011. № 7 (126). С. 17-23.
- [9] Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры. – М.: Гнозис, 1991. 363 с.
- [10] Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: страницы жизни и творчества. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1993. 379 с.
- [11] Обухова Т.М. «Вненаходимость» в диалоге культур (по работам М.М. Бахтина // Языки. Культуры. Перевод. 2013. № 1. С. 369-379.
- [12] Тамарченко Н.Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества (Филология в лицах) // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 291-340.
- [13] Todorov T. Critique de la critique: un roman d'apprentissage. – M.: Éditions du Seuil, 1984. 198 с.

Фу Чжунфэн*Профессор. Хэйхэский университет, провинции Хэйлуцзяна, КНР.***Сей Хуэй***Профессор. Хэйхэский университет, провинции Хэйлуцзяна, КНР.*

**К вопросу о культурной ценности
изучения особенностей изготовления
и оформления костюма представителями
малого этноса лесных охотников бассейна реки Амур***

Аннотация. Настоящая статья имеет своей целью раскрытие особенностей изготовления и художественного оформления национального костюма малого китайского этноса. Автором работы сделан акцент на том, что культура лесных охотников бассейна реки Амур является важнейшим компонентом общей культурной картины китайской нации. В связи с этим в статье обосновывается необходимость глубинного изучения традиций создания и декорирования костюма народными умельцами, рассматривается эстетическая ценность используемых ими элементов украшений одежды. В работе сделан вывод о том, что исследование особенностей оформления национальных костюмов способствует популяризации этнического искусства, а также китайской культуры в целом.

Ключевые слова: этнические меньшинства Китая, бассейн реки Амур, изобразительное искусство народного костюма, этническое искусство, национальный рисунок, национальное самосознание малого этноса.

Fu Zhongfeng*Professor, Heihe University, Heihe City (China).***Xie Hui***Professor, Heihe University, Heihe City (China).*

**To the question of the cultural value
of studying the peculiarities of producing
and decorating the suit by the representatives
of the little ethnic forest hunters of the Amur river basin**

Abstract. This article aims to reveal the peculiarities of manufacturing and decoration of the national costume of the small Chinese ethnic group. The author of the work emphasizes that the culture of forest hunters in the Amur River basin is an essential component of the overall cultural picture of the Chinese nation. In this regard, the article substantiates the need for an in-depth

* © Фу Чжунфэн, Сей Хуэй, 2021.

К вопросу о культурной ценности изучения особенностей изготовления и оформления костюма представителями малого этноса лесных охотников бассейна реки Амур

study of the traditions of creating and decorating a costume by folk craftsmen, and considers the aesthetic value of the elements of clothing decorations used by them. The paper concludes that the study of the design features of national costumes contributes to the popularization of ethnic art, as well as Chinese culture in general.

Key words: ethnic minorities of China, Amur river basin, fine art of folk costume, ethnic art, national drawing, national identity of a small ethnic group.

Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта провинциальных вузов Хэйлунцзяна. Номер проекта: 2018-KYYWF-1274.

Последние годы по мере непрерывного развития национальной культуры характеризуются появлением все более детальных исследований в области генезиса культур этнических меньшинств [1; 2]. В изобразительном искусстве у народов по лесной охоте по реке Амура исследование ценностей его изобразительного искусства этнических костюмов способствует совершенствованию и созданию системы культурных исследований этнических меньшинств в Китае, и оно играет очень важную роль в продвижении традиционной китайской культуры.

Симптоматично, что одежда – это не только продукт человеческой материальной цивилизации, но и средство ее воплощения, трансляции векторов, ориентиров развития, ценностей, символов и т.д. Человечество прошло сложный эволюционный процесс от варварства до построения цивилизации. В этом долгом процессе одежда как культурный носитель материальных потребностей перманентно претерпевала изменения. За тысячи лет на основе взаимного влияния, взаимопоглощения и интеграции различные этнические группы сформировали свою собственную богатую, разнообразную и уникальную культуру одежды.

Анализ национального искусства создания костюма народами, занимающимися лесной охоты в бассейне

реки Амур, показал, что наиболее значительное отличие их заключается в выборе рисунков для украшения элементов одежды. Рисунок костюма и некоторые другие его характеристики художественно воплощают особенности общественного сознания представителей малого этноса, в частности их фермерский образ жизни, национальные верования и т. д., которые полностью отражают то, что лесные охотники поклоняются природе и всему живому в целом.

Среди представителей рассматриваемой этнической группы основная масса оказывается приверженцами идей шаманизма. Главным постулатом данного верования является то, что все в мире духовно. Именно бесконечная любовь к природе и поклонение ей обусловили широкое использование природных узоров в украшении одежды, например, узор в виде оленьих рогов, муаровый узор, растительный узор, узор лотоса и т.д., которые встречаются практически в каждом предмете костюма лесного охотника. Образы и мотивы, послужившие основой для создания декоративных элементов одежды, зачастую представляют собой воплощение сюжетов бытующих среди населения мифов и легенд. Иногда в украшении костюма умело сочетаются мифологические и реальные природ-

ные образы. Эти комбинации имеют для представителей лесных охотников особое сакральное значение, отражают их ожидания лучшей жизни, веры в счастливое будущее и благодарность матери-природе.

Обратимся к примерам. Народ хэчжэ широко использует рыбью кожу в качестве материала для изготовления и дизайна одежды. Основными декоративными элементами одежды из рыбьей кожи являются узоры в виде облаков и вихрей. Узоры одежды на перчатках (на рис. 1) сделаны из различной тонкой кожи. Следует отметить, что они отличаются богатством оттенков. Разнообразие цветовых решений, в частности использование оттенков синего и зелёного, также передает особо трепетное отношение к природе представителями народности хэчжэ.

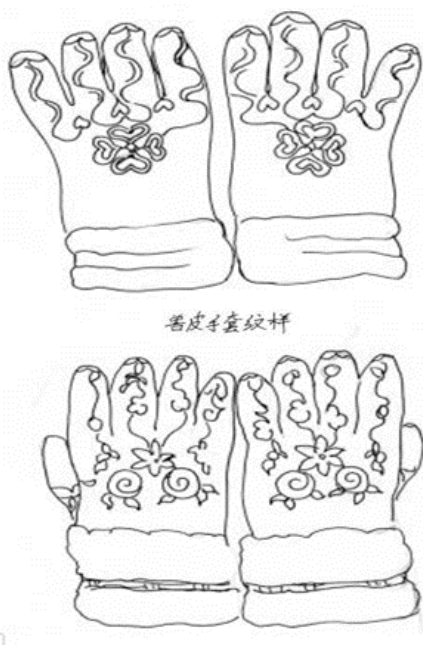

Рис. 1. Перчатки с нанесённым на них характерным узором этнической группы хэчжэ.

Народ ороконов – типичные представители обитателей лесных местностей. С развитием их общества, а также этических, моральных, ценностных и религиозных концепций данного этноса они сформировали целую систему декоративных узоров, используемых в декоре одежды, призванную отображать определенное особое значение, заложенное автором, делая костюм в целом обладающим национальной спецификой, передающим характерный дух этноса, символическим и аллегорическим. Рисунок на одежде ороконов напрямую отражает особенности их жизни и быта, хотя зачастую представляет собой абстрактные и деформированные. Вся совокупность встречающихся узоров может быть подразделена на следующие разновидности (группы): отдельные узоры, подходящие узоры, непрерывные узоры и всеобъемлющие узоры.

Узоры костюмов ороконов не ограничиваются формами, а их рисунки комбинируются случайным образом, выражая целостную художественную концепцию: душа и эмоции людей, создающих предметы костюма, в полной мере выражают благополучие, счастье, любовь и доброту. Узор основан на живых материалах, а его организация определяется содержанием и назначением узора и основана на правиле композиции. Правило композиции рисунка костюмов ороконов – «переживание красоты». Поэтому внешний вид рисунка костюмов представителей данного этноса во многом зависит от фактуры поверхности.

Традиционное искусство декорирования одежды охотников бассейна реки Амур передает стремление людей к лучшей жизни. С точки зрения одежды, эти изделия ручной работы просты и яркие по форме, обладают очень сильным

эстетическим потенциалом и способны вызвать у реципиента чувство наслаждения прекрасным. Среди узоров национальных костюмов наиболее ярким образцом является узор Туаньхуа («пучок цветов»), который рассказывает о лесной охоте в пределах рассматриваемой территории. Уникальные народные обычаи охотничьего этоса и их сакральное отношение к природе органично проникают в изобразительное искусство, делая его неповторимым и самобытным.

Однако следует отметить, что в процессе развития современного общества уникальная культура изобразительного искусства костюмов, присущая этнической группе лесных охотников бассейна Амура, постепенно исчезла, и этот вид художественной культуры с характерным этнокультурным колоритом представляет собой на сегодняшний день ценнейший опыт этнической культуры, сохранившейся в образцах костюмов лесных охотников, транслируя их национальные верования и образ жизни. Таким образом, изучение особенностей изобразительного искусства в одежде малых народностей, населяющих бассейн реки Амур является принципиально важным для выстраивания целостной системы китайской национальной культуры. Популяризация и вскрытие генезиса особенностей изготовления и оформления костюмов представителей малых народностей является особенно важным процессом на пути к постижению целостной картины мира китайской нации.

Этнические традиции, находящие свою художественную проекцию в изображениях для декора костюмов лесных охотников бассейна реки Амур, очень типичны и представительны. Они демонстрируют не только уникальное самосознание малого этно-

са, но и органически входят в общий контекст традиционного культурного опыта Китая. Уже упоминаемая выше народность хэцзе достигла в развитии изобразительного искусства в области костюма определенного мастерства. Народные умельцы унаследовали культуру изготовления изделий из рыбьей кожи и смогли применить данную технологию для моделирования костюмов, тем самым сформировав уникальный стиль ручной работы и отделки. Таким образом, национальная культура изготовления и украшения костюма представляет собой как унаследование опыта предшествующих поколений, так и инновационное развитие традиционных технологий.

Данный факт наглядно демонстрируется в тех случаях, когда традиционный для этноса рисунок декорируется элементами из рыбьей кожи и может представлять собой уже изображения совершенно иного качества.

Что касается берестяного декоративно-прикладного искусства, то в данной области изобразительного искусства также появилась группа народных мастеров. Они унаследовали традиционные навыки изготовления берестяных изделий и создали различные виды декоративно-прикладного искусства из окрашенной кожи, сделав это декоративно-прикладное искусство демонстрацией своих национальных особенностей, самобытности и уникальности мышления и быта. Ремесла из шкур животных также превратились в народные изделия ручной работы, такие как рюкзаки и ранцы, ставшие отличными туристическими сувенирами.

Следует отдельно сказать о том, что китайское правительство придает большое значение популяризации народных промыслов и даже предлагает

образцы изделий народных мастеров – представителей малых этносов на экспорт. Благодаря этому на сегодняшний день национальное этноискусство обрело ценителей далеко за пределами Китая.

Еще одним вектором развития политики в отношении сохранения наследия в области изобразительного искусства этнических меньшинств является дело его охраны и защиты в связи с имеющейся большой культурной ценностью. Причина, по которой эти носители материальной и нематериальной культуры должны быть защищены на высшем уровне, заключается в том, что до XIX века практически отсутствовало культивирование изделий, например, из рыбьей кожи, и даже в самых крупных музеях Китая самые ранние коллекции подобных образцов появились лишь в 50-х годах XX столетия.

Помимо государственного контроля такие коллекции нуждаются и в глубоко научном освещении, поскольку исследование особенностей, эстетического потенциала, а также национальной составляющей этнически обусловленного изобразительного искусства даст почву для пополнения целостной научной картины мира в области китайской культуры. Однако нынешний уровень защиты музеев невысок, отсутствует научное обслуживание, особенно в массовых музеях. Многие массовые музеи не имеют складов, испытывают острую нехватку профессионально подготовленного персонала, что затрудняет эффективную защиту ценных культурных реликвий, что влечёт даже их исчезновение.

Таким образом, проведение исторических, культурологических и иного рода исследований в области изобразительного искусства этнических костю-

мов лесных охотников, осуществляющих свою практическую деятельность бассейне реки Амур, на сегодняшний день имеют особую ценность, которая проявляется в следующих аспектах:

1. Систематическое изучение изобразительного искусства этнических костюмов лесных охотников с эстетической точки зрения способствует формированию всеобъемлющей эстетической базы данных изобразительного искусства этнических костюмов лесных охотников бассейна реки Амур, что в свою очередь закладывает основу художественных исследований в области этнической культуры бассейна в целом, а также, несомненно, обогащает уже имеющиеся научные описания культурных феноменов данной территории.

2. Проведение глубокого анализа культурного наследия бассейна реки Амур, в частности этнических меньшинств, промысляющих лесной охотой, может расширить научное представление о зарождении и развитии цивилизации в данном бассейне, а также сделать принципиально важные выводы о взаимодействии восточной и западной цивилизаций в Евразии.

3. Заложение фундамента теоретических и практических исследований в области изобразительного этнического искусства костюма способствует улучшению развития культуры китайских национальных меньшинств. Наследование и развитие этого изобразительного искусства поможет укрепить дух этнических меньшинств всего бассейна реки Амур.

4. Научное описание народных этнических промыслов, в том числе и искусства создания костюма, способствует глубокому изучению характеристик и культурных коннотаций национального пластического искусства

в бассейне реки Амур и применению его уникального национального художественного сознания для создания и формального выражения тем и мотивов национального искусства в более крупном масштабе. Он полезен для унаследования и популяризации национального искусства.

Национальная культура лесной охоты в бассейне реки Амур очень богата, но существует относительно немного исследований традиционных костюмов, узоров и региональных особенностей. В настоящее время провинция Хэйлунцзян и даже весь Китай энергично продвигают культуру и защита культуры. Уникальные узоры одежды и традиционное искусство компании включают в себя более современные и инновационные концепции развития и наследования, которые обеспечивают широкое пространство для развития и исследований для наследования и защиты узоров этнической одежды лесной охоты в бассейне реки Амур.

References

- [1] Li Su. The influence of the peculiarities of the national costume on the modeling of modern Chinese clothing // *Izvestiya Ros. state ped. unta them. A.I. Herzen. Postgraduate notebooks.* - SPb.: 2010. № 121. P. 253-258.
- [2] Minina Yu.D. Traditional clothes of small peoples of Vietnam: actualization of the problem // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Culturology.* 2015. P. 107-117.

Список литературы

- [1] Ли Су. Влияние особенностей национального костюма на моделирование современной китайской одежды // *Известия Рос. гос. пед. унта им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради.* – СПб.: 2010. № 121. С. 253-258.
- [2] Минина Ю.Д. Традиционная одежда малых народов Вьетнама: актуализация проблемы // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология.* 2015. С. 107-117.

Цуй Цзявэнь*Аспирант. Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Концепция национальной и культурной идентичностей Сунь Ятсена*

Аннотация. Данная статья посвящается анализу концепции национальной и культурной идентичностей известного китайского революционера Сунь Ятсена. В статье рассмотрены процессы трехэтапной эволюции его концепции национальной идентичности. Большое внимание автора уделено на анализ взаимоотношений идей демократической революции Сунь Ятсена и традиционной конфуцианской политической философии. В статье также выяснено содержание общественно-политического идеала Сунь Ятсена. Автор делает вывод о том, что последний этап национальной идентичности Сунь Ятсена – создание единой китайской нации укрепило национальное самосознание китайского народа, значительно содействовало социальной интеграции китайского общества; Сунь Ятсен сочетал свои идеи демократической революции и конфуцианскую культуру, обратился к традиционным конфуцианским ценностям в демократической революции; конфуцианский политический идеал Да Тун (Великое единение) глубоко повлиял на формирование концепции культурной идентичности Сунь Ятсена; как один из самых видных политических деятелей и мыслителей Китая, Сунь Ятсен создал Китайскую Республику, внёс значимый вклад в проведение модернизации политической и экономической систем в Китае, оказал чрезвычайно важное влияние на процесс развития китайской истории. В современном Китае концепция национальной и культурной идентичностей Сунь Ятсена продолжают играть роль в сохранении политической и государственной идентичностей китайского народа.

Ключевые слова: национальная идентичность, Три народных принципа, китайская нация, конфуцианство, ценности, культурная идентичность, Великое единение.

Cui Jiawen*Graduate Student, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration.*

Sun Yat-sen's concept of national and cultural identities

Abstract. This article is devoted to the analysis of the concept of national and cultural identities of the famous Chinese revolutionary Sun Yat-sen. The author analyzes the processes of the three-stage evolution of Sun Yat-sen's concept of national identity. Attention is paid to the analysis of the relationship between the ideas of the democratic revolution of Sun Yat-sen and traditional Confucian political philosophy. The author also analyzes the meaning of the socio-political ideal of Sun Yat-sen. The author concludes that the last stage of Sun Yat-sen's

* © Цуй Цзявэнь, 2021.

Концепция национальной и культурной идентичностей Сунь Ятсена

national identity is the creation of Chinese nation, which strengthened the national consciousness of the Chinese people, significantly contributed to the social integration of Chinese society; in the democratic revolution, Sun Yat-sen combined his ideas of the democratic revolution and Confucian culture, turned to traditional Confucian values; the Confucian political ideal Da Tong (Great Unity) deeply influenced the formation of the concept of Sun Yat-sen's cultural identity; as one of the most influential political figures and thinkers in China, Sun Yat-sen created the Republic of China, made a significant contribution to the modernization of the political and economic systems in China, and had an extremely important influence on the development of Chinese history. In contemporary times in China, Sun Yat-sen's concept of national and cultural identities continue to play important roles in preserving the political and state identities of the Chinese people.

Key words: national identity, Three Principles of the People, Chinese nation, Confucianism, values, cultural identity, Great Unity.

После Опиумных войн в XIX веке правительство Империи Цин было вынуждено подписать неравноправные договоры с западными странами, что привело к потере политической самостоятельности государства, крайней нищете народа и всестороннему социальному кризису в Китае.

Китайцы начали выяснять причины ряда сокрушительных поражений и слабости правящей классы Империи Цин в противоборстве с западом. С углублением социального кризиса в китайском обществе началась тенденция отрицания политического строя цинского правительства. Воспроизводство и продолжение политического строя и общественного порядка – это результат долгосрочного развития разных родов традиций и обычаев и постоянного противоборства разных общественных правил. Безусловно, политический строй в Китае тесно связан с традиционной китайской культурой на протяжении веков исторического развития. С течением времени отрицание политического строя превратилось в полное сомнение в китайской культуре, в конфуцианстве и традиционных китайских ценностях, в результате чего в обществе Китая произошёл глубокий кризис

идентичности. На этом фоне спасение и возрождение нации стали главной миссией для китайской интеллигенции, соответственно, национальная и культурная идентичности китайского народа стали главной политической и культурной тематикой.

Как один из самых видных политических деятелей и мыслителей Китая, Сунь Ятсен был инициатором и лидером Синхайской революции 1911 года, он создал Китайскую Республику, внёс значимый вклад в проведение модернизации политической и экономической систем в Китае, оказал чрезвычайно важное влияние на процесс развития китайской истории. Поиск национальной идентичности Сунь Ятсеном прошел через три этапа. Эволюция его взглядов на национальную идентичность тесно связана не только с политической целью и реальными условиями революции, но и с его собственным представлением о нации.

Национальная идентичность не является прирожденной чертой. Предпосылка формирования национальной идентичности – национальное самосознание, которое представляет собой когнитивный результат независимости, целостности и других аспектов собственных этнических

отношений с другими этническими группами, их индивидуальных этнических атрибутов. Сущность национальной идентичности – определение национальной принадлежности и выяснение «Свой» и «Чужой» через осознание общности культуры, языка, исторической жизни, географического пространства проживания, экономических связей, религиозных верований, психологического склада и т.д.

Первый этап национальной идентичности Сунь Ятсена состоит в том, что между ханьцами и маньчжурами существует непреодолимый разрыв. Он полагал, что хань – «Свой» народ, а остальные народы в Китае – «Чужие» как варвары, и поэтому нужно свергнуть власть «чужих народов» и создать страну ханьцев. Он написал, что «общая численность населения Китая составляет 400 миллионов, среди которых только миллионы монголов, более миллиона маньчжуров и мусульман. Общее количество этих иностранцев всего чуть больше 10 миллионов. Поэтому можно сказать, что все 400 миллионов китайцев – ханьцы. (У них) одна и та же кровь, один и тот же язык, одна и та же религия, один и тот же обычай – это совершенно одна Нация» [1]. В 1905 году Сунь Ятсен создал массовую революционную организацию – «Тунмэнхой», лозунгом которой является: изгнание маньчжуров, восстановление суверенитета Китая, учреждение республики и уравнивание земли. В то время по мнению Сунь Ятсена, для того чтобы изменить облик страны и создать новую республику прежде всего нужно свергнуть власть маньчжурского правительства Цин и изгнать маньчжуров с китайской земли. В своем выступлении он говорил народу, что на китайских медных монетах маньчжурская

письменность, а не китайская. Маньчжуры управляют Китаем, а не сами китайцы. Он отождествлял этническую группу – маньчжуров с формой политической организации – Маньчжурской властью Цин. И на его взгляд, ханьцы – китайцы, а маньчжуры не являются китайцами. Отсюда заметно, для Сунь Ятсена восстановление суверенитета Китая в тот период подразумевает восстановление Китая под управлением ханьцев.

Сунь Ятсен выдвинул свою политическую доктрину Идеологию трех народных принципов – «национализм, принцип народовластия, принцип народного благоденствия» как программу демократической революции. По его мнению, национализм заключался, прежде всего, в возрождении национального духа и свержении маньчжурской власти. После свержения маньчжурской власти и создания новой Китайской Республики Сунь Ятсен считал, что цель принципов национализма и народовластия была успешно достигнута. Поставить новую цель национализма стало для него актуальной. На территории Китайской Республики в Тибете, Монголии, Маньчжурии появились серьезные угрозы пограничной безопасности. Чтобы освободить Китай от доминанции империалистических стран, Сунь Ятсен выступал за «гражданский национализм» и «объединение различных народностей Китая», что, главным образом, касается объединения пяти народностей: ханьцев, монголов, тибетцев, маньчжуров и мусульман. Выразив свое желание о том, чтобы эти пять народностей стали одной единой нацией, Сунь Ятсен хотел доказать, что члены разных народностей безразлично являются политическими субъектами страны, и все они

пользуются равноправными правами в новом национальном государстве – Китайской Республике, которая по праву должна считаться настоящей демократической республикой. Объединение пяти народностей как прогрессивный политический принцип вызывало у народа духовную сплоченность и укрепило общую национальную идентичность для всех народов. Это можно считать совершением второго этапа национальной идентичности Сунь Ятсена.

Третий этап национальной идентичности Сунь Ятсена начался после Синьхайской революции и создания новой Китайской республики. Добавив новые элементы в понятие принципа национализма, Сунь Ятсен выдвинул новую цель принципа национализма – осуществить равенство между всеми народностями внутри страны и создать единую китайскую нацию. Для того чтобы люди разных народов идентифицировали себя как член единой китайской нации, Сунь Ятсен выступает за равноправие и сплоченность всех народов, которые проживают на территории Китайской Республики. Впервые признание равноправного статуса всех народностей было включено в Конституцию Китайской Республики. Сунь Ятсен принял ряд активных мер для содействия развитию экономики разных народов. Он был уверен, что развитие экономики расширит торговлю и обмена между разными народами, улучшение условий жизни национальных меньшинств поможет укрепить идентичность единой китайской нации. По мнению китайского ученого Жуй Ифу, концепция национальной идентичности Сунь Ятсена – триединство китайской нации, китайского народа и страны [2, с. 4]. Китайская нация – суперэтнос, в которую входят все хань-

цы – самая большая этническая группа в Китае, национальные меньшинства, проживающие на территории Китая и китайская диаспора во всем мире. В этом смысле китайская нация является наднациональным понятием, ядро которого – та общность людей, которую формируют не просто этническая принадлежность, а взаимосвязанные экономические, идеологические, политическое общение и единое миропонимание. Известный китайский социолог и антрополог Фэй Сяотун считает, что как самосознательная национальная субстанция китайская нация появилась в противоборстве Китая с западными странами именно в последнее столетие, т.е. в XX веке, а как существующая национальная субстанция она формируется в историческом процессе на протяжении нескольких тысячелетий [3]. В современную эпоху концепция китайской нации продолжает играть значительную роль в китайском обществе, она тесно связана с политической, культурной и государственной идентичностью китайского народа.

«Культурно-цивилизационная идентичность формируется в виде некоторой системы ментальных свойств, благодаря которым человек становится социально-культурным индивидом, членом отдельной цивилизации, культуры и общности. Она представляет собой осознание человеком своей принадлежности к культурной группе, выражаемое в принятии значимых в данной группе главных ценностей, норм поведения и стереотипов» [4, с. 109]. Концепция культурной идентичности Сунь Ятсена не только отражена в его отношении к традиционной китайской культуре, к конфуцианству и конфуцианским ценностям, но и состоит в его общественно-политическом идеале.

В XX веке в процессе самоидентификации многие китайцы считают, что западная культура и восточная культура – это абсолютно две разные системы, более того, китайская культура под руководством конфуцианства очень отсталая, она давно должна выйти с исторической сцены, потому что она не сможет адаптироваться к развитию современной цивилизации. На самом деле, как одно из главных учений конфуцианство оказывало огромное влияние на развитие общественно-политической и философской мысли, а также на формирование духовной культуры китайского народа, на нравственные ценности, идеалы и нормы поведения китайцев.

В отличие от тех, кто относится к конфуцианству сомнительно и даже абсолютно отрицательно, Сунь Ятсен высоко оценивает внутренние ценности конфуцианской культуры. Его отношение к конфуцианству носит диалектический характер. В соответствии с процессом демократической революции он принял активные константы традиционной конфуцианской культуры и перестроил элементы, которые уже не приспособляются к развитию новой эпохи.

По мнению Сунь Ятсена, предпосылка возрождения китайского народа заключалась в восстановлении национального духа народа. В его выступлениях о национализме он неоднократно подчеркивал важную роль конфуцианских нравственных норм поведения в восстановлении национального статуса на международной арене. Сунь Ятсен считает, что постоянные нравственные нормы китайцев, в первую очередь, это преданность Родине и почитание родителей. На его взгляд, в новой Китайской Республике каждый человек должен

быть преданным стране, народу и делу демократической революции, а не «государю». Кроме преданности, Сунь Ятсен считает такие конфуцианские ценности необходимыми, как человеколюбие, искренность, справедливость и гармония.

Политическая идея конфуцианства играет важную роль в формировании общественно-политического идеала Сунь Ятсена. У него есть свое мнение по традиционной конфуцианской философии. Он высоко оценивает политическую философию, которая представлена в конфуцианском каноне «Да Сюэ» («Великое учение»). В нем были представлены восемь этапов Великого учения – исследование вещей, расширение знаний, искренность воли, очищение сердца, упорядочение желаний, урегулирование семейных отношений, наведение порядка в обществе, установление порядка во всем мире. Восемь этапов в «Да Сюэ» составляет целый философско-политический комплекс, что показывает особенность Конфуцианской политической философии – сочетание этики и политики. Упорядочение желаний означает совершенствование над собой, оно выступает как ядро восьми этапов. Внутренняя предпосылка для упорядочения желаний – искренность воли и очищение сердца. Внешний способ для упорядочения желаний – исследование вещей и расширение знаний. И наконец урегулирование семейных отношений, наведение порядка в обществе, установление порядка во всем мире выступают как результат упорядочения желаний, который в конфуцианстве рассматривается как самосовершенствование и самореализация высшего уровня. Политическая концепция восьми этапов отражается в идеях «конституции пяти властей»

и «трех периодов учреждения республики» Сунь Ятсена. Идея о трех периодах создания республики основывается на принципе «добродетельный человек создает добродетельное правительство». Он полагал, что партия и правительство, у которого высокие нравственные нормы поведения, справится с управлением страной. Он не раз отмечал, что все революционеры должны поставить восемь этапов Великого учения как цель жизни. Для установления стабильного общественного порядка в Китае и во всем мире, правящему классу необходимо соблюдать эти восемь этапов, постоянно работать над собой и совершенствовать себя.

На протяжении двух тысячелетий с лишним лет много китайских мыслителей стремятся к реализации идеального общества – Да тун (Великое Единение), которое по праву считается одним из важнейших идеалов конфуцианской идеалов. В этом смысле Сунь Ятсен не стал исключением. Он объединил конфуцианскую идею Да Тун со своими тремя народными принципами, сделав ее идеалом демократической политики. Сунь Ятсен считает, осуществление Да Тун (Великого единения) не разделимо с тремя народными принципами, тем временем он рассматривает «восстановление национализма и национального статуса, объединить мир и достичь Да тун (Великое единение) на основе присутствующих нравственностей» как первую задачу революции. Он написал, что «еще 2000 с лишним лет назад Конфуций и Мэнцзы выступали за принцип народовластия. Слова Конфуция «Величайший идеал – созидание мира, его разделяют поистине все» показали, что Конфуций выступает за Да тун (Великое единение), где царит наро-

довластие» [5, с. 262], «Требование народа к государству состоит не только в совместном производстве, но и во всех делах и правах. Это настоящий принцип народного благоденствия и мир Да тун (Великое единение), к которому стремился Конфуций» [5, с. 394]. В этом смысле «принцип народного благоденствия равняется с идеей Да тун» [5, с. 355].

В 1912 году Сунь Ятсен в своей инаугурационной речи обратился к идеалу Великого Единения. Он говорил, что «Китай будет придерживаться принципа согласия во имя того, чтобы мир постепенно двигался к Да тун». В его выступлениях Да Тун рассматривался как социализм, иными словами, наступление Великого Единения и построение социализма – процессы взаимообусловленные. С 1912 года построение государственного социализма становится основной политической идеей Сунь Ятсена. В его лекциях о социализме, он рассматривает социализм как важный этап создания мира Великого Единения. После 1920-е гг. он полностью отождествляет социализм, коммунизм с Великим Единением и собственным принципом народного благоденствия.

В завершение статьи следует отметить следующее. На основе трехэтапной эволюции сформирована концепция национальной идентичности Сунь Ятсена, ядро которой является создание единой китайской нации. Это значительно содействовало социальной интеграции в китайском обществе, укрепило национальное самосознание народа, способствовало восстановлению национального статуса Китая в мире. Понятие создания единой китайской нации продолжает играть роль в формировании политической, национальной, государственной и

культурной идентичностей народа в современном Китае. Сунь Ятсен сочетал свои идеи демократической революции и конфуцианскую культуру, обратился к традиционным конфуцианским ценностям в демократической революции. Общественно-политический идеал Сунь Ятсена неразделим с конфуцианской политической философией. Благодаря политическим деятельности Сунь Ятсена в Китае была свергнута цинская феодальная монархия, была создана новая Китайская Республика, что ускорило процесс модернизации Китая.

References

- [1] Collection of Sun Yat-sen. Three popular principles. 4 lecture on nationalism. // URL: <http://www.sunyat-sen.org/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=46&id=6635>
- [2] Rui Yifu. Chinese nation and its culture. Taipei: Yiwen Publishing. 1972. 4 p.
- [3] Fei Xiaotong. The model of the unity of the Chinese nation. Beijing: Minzu University Press. 2014. 372 p.
- [4] Cui Jiawen. Cultural and civilizational identity as interpreted by Chinese researchers. Culture and civilization. 2020. (3A). 109 p.
- [5] Sun Yatsen. Complete Works of Sun Yat-sen. Volume 9. Beijing: Zhonghua Publishing House. 1986. P. 262, 355, 394.

Список литературы

- [1] Сборник Сунь Ятсена. Три народных принципа. 4 лекция по национализму. // URL: <http://www.sunyat-sen.org/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=46&id=6635>
- [2] Жуй Ифу. Китайская нация и ее культура. Тайбэй: Издательство Ивэнь. 1972. 4 с.
- [3] Фэй Сяотун. Модель единения китайской нации. Пекин: Издательство Миньцзу университета. 2014. 372 с.
- [4] Цуй Цзявэнь. Культурно-цивилизационная идентичность в интерпретации китайских исследователей. Культура и цивилизация. 2020. (3A). 109 с.
- [5] Сунь Ятсен. Полное собрание сочинений Сунь Ятсена. Том 9. Пекин: Издательство Чжунхуа. 1986. С. 262, 355, 394.

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ:
АКТУАЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ**

**PHILOSOPHY, SOCIOLOGY:
ACTUALITY AND INNOVATION**

Коркия Э.Д.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Социокультурные трансформации общества как предпосылки одиночества старшего поколения*

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема социального одиночества людей старшего поколения. Анализируются подходы к определению периодизации старости. Рассматриваются пути и способы социализации старшего поколения, а также роль в указанном процессе близких индивида социальных институтов, таких как государство и семья.

Ключевые слова: социальное одиночество, старость, третий возраст, социальный институт, семья, общество, социокультурные трансформации, современность.

Korkiya E.D.

PhD, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology of Communicative Systems
of the Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University.

Sociocultural transformations of society as a precondition for loneliness of the older generation

Abstract. The presented article examines the problem of social loneliness of older people. The approaches to determining the periodization of old age are analyzed. The ways and means of socialization of the older generation are considered, as well as the role of close individual social institutions, such as the state and the family, in this process.

Key words: social loneliness, old age, third age, social institution, family, society, socio-cultural transformations, modernity.

В двадцать первом веке остро проявилась проблема социального одиночества вообще и социального одиночества людей старшего поколения, в частности. В социальных науках достаточно подробно изучены многие аспекты данной проблемы, средствами искусства во всех вариациях создаются

культурные образы современных стариков, которые в большинстве, увы, не вызывают удовлетворения и желания подражать у разных социальных групп. По большому счету средствами культуры чаще тиражируется образ «молодящихся» стариков или самодостаточных представителей этой группы. Мы от-

* © Коркия Э.Д., 2021.

Социокультурные трансформации общества как предпосылки одиночества старшего поколения

мечаем данное явление как тревожный синдром, ибо общественное мнение, по-прежнему, не отразилось на данную проблему и не знает, что делать с живыми носителями исторического опыта. Вопрос об отношении к будущему всеобщему статусу является определяющим для всех слоев общества. Какое отношение к старости формировать у общества в целом: «альтруистическое» или «эгоистическое» есть один из важнейших вопросов современности.

Определяющим признаком общества как социального конструкта является совместная деятельность ее членов, а также совместное проживание. Члены общества связаны между собой общими интересами и потребностями. Культурные нормы и ценности в свою очередь определяют уклад и преемственность знаний в социуме. Они лежат в основе общественного устройства и призваны укрепить и динамично совершенствовать его сущность. Без четко обозначенных культурных норм и общепринятых ценностей невозможна общественная стабильность, порядок и процветание социума. Правила, регламентирующие поведение членов возникают и укореняются по мере развития социума и общественных отношений в нем. В процессе социального взаимодействия формируются социальные нормы, что в сути своей инструмент регламентации удовлетворения социального ожидания. Именно несоответствие ожиданий и есть основная причина субъективного одиночества. В итоге продуцированный социумом механизм «выталкивания» из привычной среды выполняет задачу, с одной стороны, «обуздания» людей, ушедших от утвержденных норм, с другой стороны – для «назидания» или социального контроля для остальных. Подобные идеи нашли свое отражение в работах

Э.Дюркгейма, который, рассуждая о влиянии общества на поведение человека, подчеркивал, что одинаково плохо, когда общество поощряет крайний индивидуализм, так и «когда общественное вполне и без остатка поглощает его индивидуальность» [1].

Для точного определения старческого возраста рассмотрим классификации периодов, которые имели место быть. Сопоставление и сравнение возрастных периодизаций позволяет полечить широкую палитру с целью установления границ, которые согласно различным системам, варьируются от 45-50 до 70-75 лет. Необходимо отметить, что во всех используемых и существовавших ранее периодизациях отмечается четкая тенденция к дифференцированности на самостоятельные подпериоды. Это свидетельствует о субъективности данных шкал. Важно обращать внимание на тот факт, что процесс старения не является одномоментным и не имеет четких границ. Процесс продолжается, вследствие чего можно наблюдать явные различия между пожилыми стареющими людьми [3]. Отдельно рассматривается календарный возраст, он представляет собой объективный показатель, неразрывно связанный с физическим течением времени. Для его выражения используются абсолютные физические единицы времени.

В разные исторические периоды и культурные эпохи начало старческого периода обозначалось по-разному:

1. Пифагор установил отметку в 60 лет.
2. Китайские ученые убеждены, что он начинается в 70 лет.
3. Английские физиологи прошлого века установили этот период на 50 лет.
4. М. Рубнер (физиолог немецкого происхождения) отмечал, что старость

наступает с 50 лет, а почтенная старость начинается в 70 лет.

5. Ю.Б. Гарнавский разработал собственную периодизацию, согласно которой поздний возраст подразделяется на следующие подгруппы: пожилой (50-65 лет), старческий (свыше 65 лет).

6. Отечественная периодизация: пожилой возраст (60-74 лет для мужчин и 55-74 лет для женщин), старческий возраст (75-90 для обоих полов), долгожители (от 90 лет для обоих полов).

Помимо календарного есть пенсионный возраст, его границы устанавливаются на государственном уровне. Установление пенсионного возраста осуществляется на основании хронологического возраста или числа прожитых лет.

Несмотря на такие разные классификации возрастных границ старости исследователи данного явления сходятся в одном, что наступление старости вне зависимости от иных социальных качеств приводит к социальному одиночеству. Оно (одиночество) приобретает особую значимость в урбанистической культуре с ее дискретностью социальных полей и атомизацией.

Понятие социального одиночества хоть и не имеет однозначной трактовки, но обсуждается уже достаточно давно. В научной литературе, как и в обыденной речи, оно обозначает совершенно разные явления [2]. Во-первых, социальное одиночество – это объективное состояние вынужденной физической или социальной изоляции. В этом случае индивид исключается из общения с людьми вообще или с какими-то социальными и личностно значимыми категориями людей. Во-вторых, социальное одиночество может расцениваться как добровольное уединение. Посредством ограничения внешних связей и контактов индивид добивается слияния с

природой, сосредотачивается на размышлении и т.п. В-третьих, одиночество-тоска – мучительное субъективное чувство душевной и духовной изоляции, неудовлетворенной потребности в общении и человеческом тепле. Все исследователи сходятся в том, что одиночество в самом общем приближении связано с переживаниями человеком его оторванности от профессионального сообщества людей, семьи, исторической реальности.

Когда человек «выходит» на такой этап жизни, который принято называть старостью, происходит разрушение не только физиологических процессов в организме, происходит девальвация прежних ценностей, разрушение социальное: межличностные связи трансформируются или же просто утрачиваются, вместе с тем разрушаются социальные взаимосвязи с обширным спектром общественного окружения. Так же, усугубляет положение разрешение социального статуса индивида, что есть следствие окончания трудовой деятельности. Ведь с уходом на пенсию происходит статусная смена положения работающего, а значит, нужного социуму человека на статус пенсионера, который в нынешнее время воспринимается в качестве человека утратившего значимость для общества и государства. Связано это в первую очередь с тем, что в нашей стране пенсионеры имеют достаточно низкий социальный статус. Понижается социальный ранг человека и на семейном уровне – ведь он перестаёт быть «кормильцем», а значит уходит на второй план. Вместе с тем падают в ранге и статусы родителей – ведь дети уже завели самостоятельные семьи и дистанцировались во всех планах. Годами наработанный социальный капитал остается невостребованным.

Таким образом можно утверждать, что социальная жизнь человека, с течением времени подвержена изменениям и качественным переменам со знаком минус. Утрата социальности, являясь качественной характеристикой личности, тесно взаимосвязана с чувством обреченности на одиночество, что в старости ведет к чувству полной изоляции. Ряд исследователей придерживается мнения, что индивид способен осознать и принять собственную обособленность только посредством выстраивания отношений с окружающими людьми и миром в целом. Таким образом, каждый индивид приходит к самосознанию и познанию собственного «я» посредством познания других людей [3, с. 515].

Однако важно понимать, что индивид с переходом к старости не теряет свою личность, многогранную, многоуровневую и сложную. В ней собран жизненный опыт, который используется как основа социального движения вперед, а не в прошлое. Естественное, что многое зависит от социального окружения пожилого человека. Окружение пенсионера может как затормозить, замедлить это движение, так и придать ему силы и веру в то, что жизнь продолжается в любом возрасте, невзирая на возрастные изменения в организме человека. Для любого индивида в третьем периоде ключевую роль имеет вера в себя и свои силы, возможности, которые до этого момента могут быть не реализованы. Важно, что лишь человеку дано осознать, что по мимо телесной жизни существует еще и духовная.

Смысл человеческой жизни заключается как в многовариантном проявлении индивидуальной природы человека, так и в ее социальной направленности, обеспечивающей, с

одной стороны, проигрывание различных социальных ролей, а также поддержку статусов и обозначение общественных позиций личности в социуме. С другой стороны, социальная реальность, представляющая собой многообразие различных связей и взаимодействий, обеспечивает опосредованное или непосредственное воздействие на индивида. Она определяет ценностно-нормативные ориентиры этого взаимодействия и обеспечивает многообразие связей человека с окружающей средой в определенных социальных границах.

Многие из пожилых людей не готовы смириться, с навязанным социумом образом жизни. Однако в итоге «индивидуальные сознания не остаются отдельными друг от друга, а вступают в тесные взаимоотношения, активно воздействуют друг на друга, в результате взаимодействия генерируется новая психологическая жизнь. Новая жизнь существенно отличается от предыдущей и той, которая свойственна для одиноких людей. Ее главной отличительной особенностью является [4, с. 298]. Важно учитывать, что только социальная сфера способна оказывать индивиду поддержку в плане его значимости как личности и при этом преобразовать жизнь, делая более наполненной, разнообразной и интересной. Ряд исследователей считают, что процесс становления человека протекает в тесной взаимосвязи и контексте с окружающей средой. Данный нарратив обретает новое значение в контексте, что окружающая среда состоит не только из природы, но также включает в себя человеческие взаимоотношения. Таким образом, развиваясь, индивид входит в активное взаимодействие с природой и социокультурной средой [5, с. 82].

Нарушается привычный уклад жиз-

ни и происходит трансформация социальных практик. Видоизменяется образ жизни человека, его ритм и темп жизни, даже если пожилой человек живет на периферии, не говоря уже о том, что условия мегаполиса еще больше способствуют социальному одиночеству. Значительные расстояния и проблемы с транспортом лишают возможности регулярно поддерживать взаимоотношения с коллективом на том же уровне, а также общаться как раньше со своим привычным кругом. Как результат, человек выпадает из своего стандартного круга общения и жизни в целом. Это ведет к переосмыслению прожитых лет, накопленного опыта, знаний и навыков. Прекращение трудовой деятельности отражается на жизненном пути пожилого человека. Наблюдающиеся психологические сдвиги в способностях и характере представляют собой результат развития индивида в рамках новых условий [5, с. 245]. В случае, когда пожилой человек живет не один, а в семье его близкие способны создать условия для благоприятного перехода из одного социального состояния в другое. Тогда новое социальное состояние становится значимым не только для близких и окружения, но и для самого пенсионера. В чем роль семьи? Во-первых, семья должна помочь сгладить переживаемый период, что снижает психическую напряженность. Во-вторых, семья использует то, что у пенсионера освобождается трудовое время, которое может быть использовано для воспитания внуков, помощи в ведении домашнего хозяйства и т. д. В приведенном примере рассматривается благоприятная ситуация. В этом случае семья является ресурсом, который помогает пожилому человеку освоить новые роли и обрести себя в новом качестве. Однако значимые социальные проблемы берут

начало там, где пенсионер испытывает семейную дискриминацию. В такой ситуации семья не создает не только приемлемое материальное положение пожилого человека, но еще и нарушает права последнего. Отмеченные нарушения прав могут иметь различные проявления: изгнание из собственной жилплощади, физическое и моральное издевательство и многое другое. Пожилой человек может чувствовать недостаток доверия, уважения, поддержки.

В ситуациях, когда индивид теряет социальные связи с обществом или снижается их качество, то есть происходит сознательный уход в свою внутреннюю жизнь, становится очевидна проблема социального одиночества. Ее основным признаком является прерывание каких-либо социальных контактов: с коллегами (нынешними или бывшими), соседями, родственниками, друзьями, то есть социальное взаимодействие максимально минимизируется. Развитие данной проблемы и отсутствие действий, направленных на ее разрешение, ведут к постепенной деградации развития индивида как личности, так как внутренний мир не способен компенсировать потерю внешних коммуникаций, что обусловлено отсутствием интереса пожилых людей к собственной персоне и личности. На данное явление в своей работе ссылается Э. Фромм, говоря, что каждый человек является одиноким, но при этом он всегда находится внутри связей и отношений с другими людьми. Одиночество объясняется уникальностью индивида, в мире нет ничего и никого, похожего на него. Одиночество необходимо для самооценки, самостоятельного принятия решений на основании собственных чувств и эмоций. Однако одиночество больше обладает отрицательными эффектами, недели

положительными, так как человек не переносит обособленности от социума и ближних. Исследователь считает, что счастье человека становится возможным только при условии существования чувства солидарности к ближним, взаимосвязи с прошлым и будущим [7, с. 421].

Социум способен создать необходимые условия для удовлетворения потребностей индивида и предоставить широкие возможности для его самоутверждения и самореализации. В это же время, общество может неоднократно изменить созданные механизмы саморегуляции и контроля за поведением своих членов для поддержания целостности и устойчивости. Социум способен подчинять своей логике поведение людей, побуждать последних к совершению определенных действий. Это выражено в создании особых социальных институтов (государства, религии и др.), которые способны обеспечить координацию разных сфер жизни общества. Подобные механизмы лежат в основе любой социальной системы. Отмеченные механизмы призваны регламентировать и консолидировать деятельность своих членов. Также они способны стабилизировать собственное функционирование и развитие при помощи формирования личностных, групповых и институциональных стандартов деятельности. На первый план в этой ситуации выходит необходимость направления формирования культурных норм жизни общества с учетом влияния на качество жизни каждой социальной группы в него входящих.

В древних обществах старость связывали с состоянием немощности, стариков воспринимали как «обузу» для общества, поэтому если человек продолжал жить в старости, то тем

самым он лишался общего уважения. «Общество требовало подобного самопожертвования в социальных интересах, личность в данной среде ценится очень низко».

В 20 веке общее распространение получили идея прав человека, которая была разработана Д. Локком еще в 17 веке, причем для всех индивидов. Следовательно, общество должно найти и пути «ревитализации» старшего поколения, актуализируя его роль в современном обществе. Роли «бабушки» и «дедушки» традиционно связаны с воспитанием внуков, которым старшее поколение передает традиции, культурные образцы отношений с родственниками, способы решения личных проблем, культурологические установки по отношению к внешнему окружению. В современном обществе, которое сформировалось после всех революций и войн 20 века прослеживается отсутствие связи поколений. Педагоги отмечают, что в современной семье подрастающее поколение не может назвать имена своих прадедушек и прабабушек. Социальными последствиями исторических событий является отсутствие памяти о своих родственниках. В прошлом веке замалчивание памяти о своих родственниках, которые часто оказывались по «разные стороны баррикад» позволяло выжить поколению «детей», но в последующих поколениях исчезал опыт семьи, опыт поддержки, опыт «базового доверия». Разрушение социальной связи «предки - потомки» привело к отсутствию образцов преодоления состояний «тоскливого одиночества», когда у человека возникала необходимость решать задачи, связанные с социальным взаимодействием любого уровня. Осознание принадлежности к семье в историче-

ской ретроспективе позволяет преодолеть ощущение личной катастрофы перед грядущими изменениями. Восприятие данной мысли на уровне государственной политики позволяет создать механизмы ресоциализации для людей так называемого 3-его возраста. Что означает обретение новых жизненных смыслов и личностного целеполагания в жизни пожилого человека путем формирования ценностных объектов, выработки новых поведенческих моделей, создания социально значимых ролей и поддержание социального статуса. Это может быть целенаправленный процесс, взаимообусловленный, с одной стороны, объективной психолого-педагогической поддержкой пожилого человека в условиях смены образа жизни, а с другой — индивидуальным стремлением самого человека изменять жизненные смыслы и личностное целеполагание путем активного «возвратного» включения в общественную жизнь.

References

- [1] Durkheim E. Suicide. Sociological study / per. from fr., A.N. Ilinsky M.: St. Petersburg: Union, 1998.
- [2] Kon I.S. Friendship: an ethical and psychological essay / I.S. Kon. - 2nd ed., Rev. and add. M.: Politizdat, 1987.
- [3] Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. SPb.: Peter, 2000.
- [4] Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / lane. from French, comp., afterword. and approx. A.B. Hoffmann. M.: Canon, 1995.
- [5] Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge / trans. from English E. Rutkevich M.: Academia-Center; Medium, 1995.
- [6] Loginova N.A. Personality development and its life path // Personality psychology in the works of Russian psychologists. SPb.: Peter, 2002.
- [7] Matsukevich O.Yu. Socio-cultural resocialization of older people // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2012. № 19.
- [8] Fromm E. Escape from freedom: a man for himself / per. from English D.N. Dudinskaya. Minsk: Potpourri, 1998.

Список литературы

- [1] Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр., А.Н. Ильинского М.: Санкт-Петербург: Союз, 1998.
- [2] Кон И.С. Дружба: этикопсихологический очерк / И.С. Кон. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1987.
- [3] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- [4] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
- [5] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
- [6] Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2002.
- [7] Мацукевич О.Ю. Социально-культурная ресоциализация пожилых людей // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19.
- [8] Фромм Э. Бегство от свободы: человек для себя / пер. с англ. Д.Н. Дудинской. Мн.: Потпури, 1998.

Лобанова Е.И.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры Иностранных языков №2.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Ярославская И.И.

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков №1.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Герасименко Т.Л.

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков №2.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Ковальчук С.В.

Старший преподаватель кафедры Иностранных языков №2.
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

**Лингвокультурологический аспект коммуникации
в современном мире глобализации***

Аннотация. В данной статье рассматривается исследование фундаментальных принципов и проблем межкультурной коммуникации. Предполагается изучить научное восприятие оценки различных культурных перспектив и ценностей. Объектом исследования является национальный менталитет как пример его проявления в межкультурной коммуникации. В статье определены теоретические подходы к изучению концепции культурной коммуникации. На основе анализа научной литературы и проведенного экспертного опроса авторы анализируют проблемы, возникающие в межкультурной коммуникации. С научной точки зрения выделяются три основные категории межкультурной среды: языковые проблемы, культурные проблемы и проблемы личностного восприятия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, человеческий фактор, поликультурная среда, благо, культурологическая компетенция, дискурсивная компетенция.

Lobanova E.I.

PhD, Associate Professor. Department of Foreign Languages №2.
Plehanov Russian Economic University.

Yaroslavskaya I.I.

Senior Lecturer. Department of Foreign Languages №1.
Plehanov Russian Economic University.

Gerasimenko T.L.

Senior Lecturer. Department of Foreign Languages №2.
Plehanov Russian Economic University.

* © Лобанова Е.И., Ярославская И.И., Герасименко Т.Л., Ковальчук С.В., 2021.

Лингвокультурологический аспект коммуникации в современном мире глобализации

Kovalchuk S.V.*Senior Lecturer. Department of Foreign Languages №2.
Plehanov Russian Economic University.*

Linguocultural aspect of communication in the modern world of globalization

Abstract. The key issue of the paper is the research of fundamental principles and issues of intercultural communication. It proposes to develop some academic perception of an appreciation for different cultural perspectives and values. The research object of the investigation is the national mentality as an example of its expressions in intercultural communication. The article defines theoretical approaches to the study of cultural communication concept. Based on the analysis of scientific literature and conducted expert survey, the author analyzes the problems arising in intercultural communications. Three basic categories in intercultural environment are identified, namely: language problems, cultural problems and personal perception problems.

Key words: intercultural communication, human factor, multicultural environment, benefit, cultural competence, discourse competence.

Intercultural communication in the present-day global world is a broad topic. With the globalization of business, there has been an increasing interest in intercultural communication. Unfortunately, much of the interest is not in the scientific body of knowledge related to intercultural communications but instead is focused on learning cultural tips and etiquette for particular countries. While there is value in understanding the customs of specific cultures, it is more efficient and effective to establish a baseline understanding of intercultural communication, which can then be applied in a variety of cultures.

However, the impact of intercultural communication on global business has seldom, if ever, been successfully measured. Unsuccessful joint ventures, marketing gaffes due to inaccurate translations and failed forays into new markets are rarely attributed solely to ineffective cultural understanding and communications. It is unrealistic to expect that a single aspect of a global business environment could be isolated and measured to any degree

of accuracy. For this to happen, research and business case history would need to intersect in a systematic manner, using a pre-determined scorecard.

Current world events lead us to believe that our collective ability to communicate interculturally is insufficient. Sadly, with warfare still a modern reality, we cannot underestimate the importance of understanding and communicating with cultures different from our own. The greater the (psychological) distance between two cultures, the more difficultly there will be in intercultural understanding.

Studying intercultural communication in the linguistic aspect, Russian scientists have identified several development areas, such as linguistics, cultural studies, ethnolinguistics, etc. Each of these directions is based on the interaction of language and culture and hence is of the interest for intercultural communication. For example, linguistics and regional studies are important in the interaction of culture and language. Ethnolinguistics is focused on the study of the interaction of language

with various aspects of the life of peoples, as well as the role of language in the culture of the people. Linguacultural, in turn, explores the rituals, ceremonies, symbols, and stereotypes enshrined in the language, exploring their interaction.

The hypothesis of the present research is formulated as follows: the increase of the intercultural communication effectiveness in a multicultural environment can be achieved through the use of appropriate methods and approaches to solving communication problems of linguistic, cultural, and personal nature¹.

The theoretical study was based on the methods of system analysis, as well as the theories of international management and intercultural communications. The authors have carried out a study of the existing literature focused on the problems that arise in international communication in projects and considered approaches to their solution. To analyze the existing problems, the literature was reviewed using keywords such as communication, international, intercultural, intercultural skills, and intercultural competence, because these aspects reflect the human factor in the problems related to communication. The following databases were used: Science Direct, Google Scholar, and Web of Science. The task of this research was to review and analyze the problems, methods, and approaches to their solution used to manage international and intercultural communications.

The literature review allowed developing an approach to classifying the problems inherent in international communications in a multicultural environment. In turn, the developed classification of problems allowed ordering the approach-

es and methods defined in the literature and research to solve problems in intercultural communications. The problems, corresponding methods, and approaches to their solution developed by the authors include also generally accepted types of communications.

Besides, the expert survey was also used to determine the methods and approaches to solving the problems of intercultural communication.

The online survey involved 29 experts, including managers of international projects (17 persons), as well as university staff, namely, teachers of the Department of Management (12 persons).

The experts were asked a number of questions concerning the intercultural communication problems, as well as methods and approaches to their solution.

Let us consider successively the problem categories that are directly related to international communication in a multicultural environment.

1. Language problems in intercultural communication

Language problems are recognized by the experts participating in the survey as the most common type of problems occurring in international communication and multicultural environment. Problems arising from the use of a nonnative language as a common means of communication are usually divided by the type of communication: verbal, nonverbal, and paraverbal².

Language is a part of culture because language is the vehicle for nearly every type of cultural expression. Even seemingly, wordless artifacts in media such as music, dance, food, costume and handicrafts are ultimately transmitted from one generation to the next via lessons, appren-

1 Trager G., Hall E. Culture as communication: A model and analysis. New York, Explorations, Studies in Culture and Communication, 1954. № 3. P. 137-149.

2 Taylor O.L. Cross-cultural communication: An essential dimension of effective education, 1990. 78 p.

ticeships, recipes and instructions that are expressed using language. Cultural concepts are embedded in language, and the architecture of each language contains culturally specific features. These include both lexical and grammatical characteristics. The lexical characteristics are often the most obvious and tend to attract more attention. Some social scientists consider that without language, culture would not be possible. Language simultaneously reflects culture, and is influenced and shaped by it. In the broadest sense, it is also the symbolic representation of a people, since it comprises their historical and cultural backgrounds, as well as their approach to life and their ways of living and thinking. In a word, culture and language are inseparable. Many linguists exploring the relationship between language and culture hold the view that language and culture are two symbolic systems. Everything we say in language has meanings, designative or sociative, denotative or connotative. Every language form we use has meanings, carries meanings that are not in the same sense because it is associated with culture and culture is more extensive than language.

2. Cultural and personal problems in intercultural communications

Cultural differences often become factors of misunderstanding and inaccuracies in intercultural communications. According to the experts, the main problem is the communication transmission process, where, initially, the notification is compiled and "encoded" in one cultural context, while after transmission, upon receipt, it is "decoded" in another cultural context.

Studies in this regard note that cultural influence on the individual is a significant factor influencing beliefs and behavior models, namely, trust and fear, lack of participation, and willingness to fulfill obliga-

tions, lack of openness, and dissemination of information³.

According to experts, understanding and using cultural differences gives communicants the opportunity to create an environment of mutual trust and mutually beneficial cooperation. Thus, intercultural and personal aspects of communication are interrelated. Let analyze the problems and challenges related to the personal perception of the individual. The problems of cultural and personal issues and the corresponding methods and approaches to their solution are given in table.

While discussing the language-related problems in intercultural communications, experts note that the key to effective cross-cultural communication is knowledge. Firstly, it is essential that people need to understand the potential problems of cross-cultural communication, and make an effort to overcome these problems. Secondly, it is important to assume that one's efforts will not always be successful, and adjust one's behavior appropriately. For example, one should always assume that there is a significant possibility that cultural difficulties are causing communication problems, and willing to be patient and forgiving rather than hostile and aggressive, if problems continue to develop⁴.

One should respond slowly and carefully in cross-cultural exchanges, not jumping to the conclusion that you know what is being taught and said. Often intermediaries who are familiar with both cultures can be helpful in cross-cultural communication situations. They can translate both the substance and the manner of what is said. For instance, they can tone down

3 Taylor O.L. Cross-cultural communication: An essential dimension of effective education, 1990. 78 p.

4 Catana S.E. Teaching cross-cultural communication issues: A way of successfully integrating into the multicultural knowledge society. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2014. P. 343-348.

strong statements that would be considered appropriate in one culture but not in another, before they are given to people from a culture that does not talk together in such a strong way. They can also adjust the timing of what is said and done. Some cultures move quickly to the point, others talk about things long enough to establish rapport or a relationship with the other person. Effective communication with people of different cultures is especially challenging. Cultures provide people with ways of thinking – ways of seeing, hearing and interpreting the world. Thus, the same words can mean different things to people from different cultures, even when they talk the “same” language. When the languages are different and translation has to be used to communicate, the potential for misunderstanding increases. It is perceived as the best way of communication⁵. The experts underline that despite this fact, verbal communication should be supported by written communication where possible, especially in the case of the transmission of important information.

Another fact, which according to experts, should be kept in mind to minimize language misunderstandings and inaccuracies in intercultural communication is the inability to guarantee one hundred percent appropriate level of language proficiency. At the beginning of the business intercultural communication process, the language skills of communicants may not be identified accurately. Since language and culture are interrelated, the mental aptitudes of some nationalities, especially in the case of proficiency in English as the international business language, allow communicators to use trial and error as the best way to master a foreign language. In other words, people hide the lack of lan-

guage skills and allow themselves to learn from their mistakes in the course of communication. To address this discrepancy, experts recommend trusting common forms of language certification and at the same time monitor their actual effect depending on the country of issue.

Thus, planning the level of language skills required for successful intercultural communication is a necessary step in preparing for international business communication. At the same time, according to experts, it is necessary to distinguish between spoken and professional language styles. If a spoken foreign language is mandatory to perform any joint activity, while the permanent availability of a skilled interpreter is not possible, the appropriate level of knowledge of the spoken language should be checked in advance.

Speaking about the problems of cultural nature, the experts note that there are two important aspects necessary for improvement and successful work in a multicultural environment, namely, intercultural consciousness and intercultural resistibility. As noted in the scientific research, intercultural consciousness is the ability to respect others and be able to temporarily change one's own views in order to build long-term intercultural ties; while intercultural resistibility is the ability to face and adjust or adapt to new situations in a culture that is different from the individual's own culture⁶.

Speaking about personal problems, it should be noted that noise in communication is a consequence of own perception barriers which dictate how we present or perceive messages, as well as personal interpretations, attitudes, biases, and prejudices which lead to ineffective communication⁷.

5 Samovar L.A., Porter R.E., *Communication between cultures* (8th edition). Belmont, CA, Wadsworth Publishing, 2012. 426 p.

6 Condon J., Fathi Y., *An introduction to intercultural communication*. New York, Macmillan, 1975. 150 p.

7 Bergelson M.B. *Intercultural communi-*

Personal perception is a category which includes questions related to people's perceptions, opinions, beliefs, and psychology. So, as experts clarify, people focused on personal relationships, are less comfortable to discuss important issues in writing or on the phone. This is called avoiding a certain type of communication owing to personal preferences.

Human behavioral competencies, or so-called soft skills, enable innovative responses to circumstances, where people already have solutions to their problems. According to experts, soft skills are essential for intercultural communication. According to research^{8,9}, soft skills are most important for managing people in intercultural environment.

The authors believe that Russia should widely implement this positive international experience, developing its own working arrangements to improve the effectiveness of intercultural cooperation and communications.

The article analyzes the problems arising in intercultural communications, as well as offers approaches to their solution. Taking into account the analysis of the literature, three main categories related to communication in a multicultural environment are identified, namely, language problems, problems of a cultural nature, and problems related to personal perception.

Participants in intercultural communication in a multicultural environment should have a set of core competencies.

cation as a research problem: Linguistic methods of intercultural interactions. Moscow, Slovo, 2002. 156 p.

8 Catana S.E. Teaching cross-cultural communication issues: A way of successfully integrating into the multicultural knowledge society. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2014. P. 343-348.

9 Bartel-Radic A., Giannelloni J.-L. A renewed perspective on the measurement of cross-cultural competence: An approach through personality traits and cross-cultural knowledge. *European Management*, 2017. № 35(5). P. 632-644.

Analysis of scientific research and expert opinion indicates that the application of soft skills is the main tool that is used to solve problems and challenges associated with the human factor in intercultural communication in a multicultural environment. Therefore, when communication is carried out in a multicultural environment, it is necessary to formalize special requirements to intercultural competences of communicators.

The results of the study have confirmed the hypothesis that improving the effectiveness of intercultural communication in a multicultural environment can be achieved through the use of appropriate methods and approaches to solving communication problems of linguistic, cultural, and personal nature.

References

- [1] Trager G., Hall E. Culture as communication: A model and analysis. New York, Explorations, Studies in Culture and Communication, 1954. № 3. P. 137-149.
- [2] Taylor O.L. Cross-cultural communication: An essential dimension of effective education, 1990. 78 p.
- [3] Samovar L.A., Porter R.E. Communication between cultures (8th edition). Belmont C.A., Wadsworth Publishing, 2012. 426 p.
- [4] Condon J., Fathi Y. An introduction to intercultural communication. New York, Macmillan, 1975. 150 p.
- [5] Bergelson M.B. Intercultural communication as a research problem: Linguistic methods of intercultural interactions. Moscow, Slovo, 2002. 156 p.
- [6] Catana S.E. Teaching cross-cultural communication issues: A way of successfully integrating into the multicultural knowledge society. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2014. 128. P. 343-348.
- [7] Bartel-Radic A., Giannelloni J.-L., A renewed perspective on the measurement of cross-cultural competence: An approach through personality traits and cross-cultural knowledge. *European Management Journal*, 2017. № 35 (5). P. 632-644.

Руденко А.В.

Профессор. Хэйхэский университет, провинции Хэйлунцзян, КНР.

Проблема «Другого» с позиций современных философских школ*

Аннотация. *Актуальность.* Философская категория «Другой» важнейший элемент социально – коммуникативного пространства, определяющий степень социальной интеграции, через восприятие того, как «Я» соотносится с «Другим». Возможность тождественности «Я» и «Другого», отношение «Я» и «Другого», принятие «Другого» как равного себе, важнейшие философские проблемы, требующие философского осмысления. Это особенно актуально в сложившейся общественной формации, характеризующейся высокой степенью цифровизации и информатизации коммуникативных процессов.

Объект исследования. Субъект, как философско – антропологическая категория социально – коммуникативного пространства.

Предмет исследования. Концепция «Другого» во фрейме современной философской мысли.

Цель исследования. Заключается в философском осмыслении категории «Другой», как ингерентного признака современных социо-коммуникативных аспектов бытия индивида.

Задачи исследования. Заключаются в раскрытии формы и содержания категории «Другой» на современном этапе развития общества.

Методология исследования. Используются теоретико-эвристические методы дескриптивного характера, с использованием аксиологического подхода, базирующиеся на общепризнанных методах научного познания: аналогии, абстрагирования, дедукции, абстракции, обусловленные феноменологическими и системными принципами исследования.

Результаты исследования. Выражаются в детекции категории «Другой», с позиции современных философских школ.

Ключевые слова: самобытие, я, ты, самоосознанность, самоданность, тождественность, антропология.

Rudenko A. V.

Chairman of the Board, RCFSSPHP "BLAGOVEST".

The problem of the «Other» from the standpoint of modern philosophical schools

Abstract. *Relevance.* The philosophical category «Other» is the most important element of the social and communicative space, which determines the degree of social integration, through the perception of how the «I» «relates to the» «Other». The possibility of the identity of the «I» «and the

* © Руденко А.В., 2021.

Проблема «Другого» с позиций современных философских школ

«Other», the relationship of the «I» and the «Other», the acceptance of the «Other» as an equal, are the most important philosophical problems that require philosophical reflection. This is especially true in the current social formation, characterized by a high degree of digitalization and informatization of communication processes.

The object of the study. The subject, as a philosophical and anthropological category of social and communicative space.

The subject of the study. The concept of the «Other» in the frame of modern philosophical thought.

The purpose of the study. It consists in a philosophical understanding of the category of «Other» as an inherent feature of modern socio-communicative aspects of an individual's existence.

Research objectives. They consist in revealing the form and content of the category «Other» at the present stage of the development of society.

Research methodology. Theoretical and heuristic methods of a descriptive nature are used, using an axiological approach, based on generally recognized methods of scientific knowledge: analogy, abstraction, deduction, abstraction, conditioned by the phenomenological and systemic principles of research.

The results of the study. They are expressed in the detection of the category «Other», from the point of view of modern philosophical schools.

Key words: self-existence, I, YOU, self-awareness, self-awareness, identity, anthropology.

Основная часть

Проблема «Другого» концептуально рассматривается в двух направлениях современной философской мысли, это феноменологии¹² и диалогической философии³⁴. Феноменология рассматривает Другого не с позиции тождественности, характерной для традиции диалогизма, а с позиции феномена вне Я. То есть, Другой не есть тождественный Я феномен, а нечто, что находится вне Я и часто находится в оппозиции⁵ к Я. Так Гегель считал, что Другой, как феномен проходит несколько этапов, от борьбы субъективных Я до оппози-

ции друг к другу⁶. Гуссерль⁷ категорию Другой разграничивал, как Я - Чужой, познание Другого по Гуссерлю происходит через разграничение, есть Я, есть Чужой. Представители диалогической философии рассматривают категорию Другой с позиции тождественности и подобия Я, то есть Я соотносится, и может быть тождественно Другому, то есть выступать бинарной категорией. Так Юнг разграничивая сознательное и бессознательное, вводит понятие психической субстанции⁸, которая представляет собой две активности, это сознание и бессознательное и Я присутствует в каждой из них. Но в каждый момент времени, Я находится либо в первой, либо во второй активности и тогда другая активность по отношению к Я, это Другой. У другого представителя диалогической

1 Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEGEL/fenomen.txt> (дата обращения 25.02.2021)

2 Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. - М.: Академический Проект, 2011. - 253 с.

3 Мартин Б. Я и Ты. // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt> (дата обращения 25.02.2021)

4 Lacan J. Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Séminaire. Paris: A.L.I., 1954-1955.

5 Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEGEL/fenomen.txt> (дата обращения 25.02.2021)

6 Там же

7 Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. - М.: Академический Проект, 2011. 253 с.

8 Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного (сборник). // URL: https://akravchenko.ru/uploads/Publikacii/Ung_Ocherki_po_psihologii_bessoznatelnogo.pdf (дата обращения 25.02.2021)

философии Бубера существование Я отрицается как самоданность, причём Бубер категоричен настолько, что делает следующее утверждение⁹: «Нет Я самого по себе, есть только Я основного слова Я-Ты и Я основного слова Я-Оно. Когда человек говорит Я, он подразумевает одно из них». То есть, у Бубера мы видим характерную для диалогической философии бинарность Я-Другой.

Феноменологическую традицию продолжает Сартр¹⁰ у которого Другой выступает таким феноменом через который осуществляется самопознание, при этом Я и Другой всегда не тождественны, так Сартр пишет: «Другой есть тот, кто не является мной и которым я не являюсь»¹¹. Таким образом, по Сартру всегда есть разграничение между Я и Другой и разграничение это преодолевается опытом Я, то есть через Другого я познаю себя, но в тоже время разграничение это не может быть преодолено полностью. Сартру оппонирует представитель постструктурализма Делёз¹², так он указывает: «Беда философских теорий в том, что они сводят его то к своеобразному объекту, то к другому субъекту (и даже Сартровская концепция удовольствовалась в «Бытие и ничто» объединением обоих определений, сделав из Другого объект под моим взглядом - с учетом того, что он в свою очередь смотрит на меня, преобразуя меня в объект)». По Делёзу, Другой это структура, некое наложение Других

(следует отметить, что Делёз не даёт чёткого понимания, что он имеет в виду под структурой, в качестве которой выступает Другой). Тем не менее, из содержания его произведения «Мишель Турнье и мир без другого», мы делаем вывод, что под структурой Делёз подразумевает отношение «конкретного»¹³ Другого, «априорного» Другого и Других, которые образуют поле восприятия. Нельзя говорить, что Делёз действует в рамках феноменологической философской традиции и придерживается отсутствия подобия и тождественности Я – Другой, с другой стороны нельзя говорить и о наличии тождественности и подобия между Я и Другим, скорее у Делёза некая «срединная» позиция, в которой связка Я - Другой выступает структурой, образуя поле восприятия. При этом, Делёз, согласен с Лаканом (другим представителем постструктурализма) в том, что необходимо познавать структуру Другого, формируя поле восприятия, потому что «Другой - это тот, кто овозможивает. Извращенный мир - это мир, где категория необходимого полностью заменила категорию возможного».¹⁴ Продолжим рассмотрение проблемы Другого в представлении постструктурализма, наиболее интересной представляется точка зрения Лакана¹⁵, который рассматривал Другого через человеческое желание. Другой, по мнению Лакана, это отражение Я, в котором Я видит себя и проецирует желание. Вслед за Юнгом, Лакан говорит о тождественности бессознательного и Другого,

9 Мартин Б. Два образа веры // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/vera.txt> (дата обращения 25.02.2021);

10 Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт онтологической феноменологии. // URL: <http://psylib.org.ua/books/sart03/> (дата обращения 25.02.2021)

11 Там же

12 Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без другого. // URL: <http://philology.ru/literature3/delyoz-99.htm> (дата обращения 25.02.2021);

13 Там же

14 Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без другого. // URL: <http://philology.ru/literature3/delyoz-99.htm> (дата обращения 25.02.2021)

15 Lacan J. Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Séminaire. Paris: A.L.I., 1954-1955.

но если Юнг говорил о психической субстанции, в которой Я становится активным либо в сознании, либо в бессознательном, то Лакан разделяет психику человека на инстанции, которых три. Инстанция реального, символического и воображаемого формируют структуру психики, при этом Лакан делает разделения Я, Я-я, где меньшее «я» выступает самосознанием. Проблема человеческого желания, вообще характерна, как центральная проблема в психоаналитической традиции, особенно рассмотрение желания, как отражение собственного Я вне себя и проецирование своих желаний на Другого.

Объединяет феноменологию и диалогизм в своих работах Левинас¹⁶, который понимает Другого, как нетождественными друг другу, но в тоже время ингерентными отображениями друг друга, бытие Я невозможно без бытия Другого. То есть Я дано нам как самоданность, как и Другой является самоданностью представленной в бытии, их отражение друг в друге организуют мир таким как он есть.

Основной философской проблемой, как мы видим, является вопрос, что есть Я - Другой, собственная сознательная и бессознательная активность (эго, суперэго) или отношение Я - Другой, как отношение есть Я и есть кто-то вне меня, то есть, как мы уже сказали вопрос тождественности и подобия. Ответ на подобный вопрос, несомненно, не будет простым и должен подвергаться философскому анализу постоянно.

Выводы

Как мы видим проблема «Друго-

го» сложная и многогранная категория философского знания, требующая глубокого научного осмысления. По мимо всего, проблема Другого междисциплинарна в своём отражении в действительной реальности. Прежде всего, отношение Я - Другой выступает значимой категорией в вопросах социальной интеграции. Если разделять и следовать феноменологической традиции, где возможна оппозиция Я и Другого, необходимо находить решения, как преодолеть оппозиционность. Формирование социальной идентичности напрямую связано с тем, как соотносятся Я и Другой. Также, проблема Другого требует своего решения с позиции коммуникативного процесса, патологии¹⁷ в котором возникают в том числе из-за отсутствия идентификации Другого в сознании человека. Излишняя акцентуация на себе, своём Я, неизбежно приводит к проблемам в коммуникативном процессе, что вынуждает исследователей искать пути решения и предлагать философские осмысления проблематики. Отечественные исследователи¹⁸ также занимаются проблемой Другого в рамках собственных философских воззрений, так и в рамках рецепции философского знания.

References

- [1] Bateson G. Ecology of mind. - М.: Smysl, 2000. 476 p.
- [2] Hegel G.V.F. The phenomenology of the spirit. // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEGEL/fenomen.txt> (02.25.2021)
- [3] Husserl E. Logical research. Мшд. I: Prolegomena to pure logic. - М.: Academic Project, 2011. 253 p.

17 Бейтсон Г. Экология разума.- М.: Смысл, 2000. 476 с.

18 Можейко М.А., Майборода Д.В. Другой - понятие современной философии // URL: <http://niv.ru/doc/philosophy/philosophy-history/185.htm> (дата обращения 25.02.2021)

16 Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая Религиозно-Философская Школа, 1999. 266 с.

- [4] Deleuze J. Michel Tournier and the world without the other. // URL: <http://philology.ru/literature3/delyoz-99.htm> (02.25.2021)
- [5] Levinas E. Time and others. Humanism of another person. Spb.: Higher Religious and Philosophical School, 1999. 266 p.
- [6] Martin B. Two images of faith // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/vera.txt> (25.02.2021)
- [7] Mozheiko M.A., Maiboroda D.V. Another is the concept of modern philosophy // URL: <http://niv.ru/doc/philosophy/philosophy-history/185.htm> (25.02.2021)
- [8] Sartre J.P. Being and nothing. Experience of ontological phenomenology. // URL: <http://psylib.org.ua/books/sartr03> (02.25.2021)
- [9] Jung K.G. Essays on the psychology of the unconscious (collection). // URL: https://akravchenko.ru/uploads/Publikacii/Ung_Ocherki_po_psihologii_bessoznatelnogo.pdf (25.02.2021)
- [10] Lacan J. Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Séminaire. Paris: A.L.I., 1954-1955.

Список литературы

- [1] Бейтсон Г. Экология разума. - М.: Смысл, 2000. 476 с.
- [2] Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GEGEL/fenomen.txt> (дата обращения 25.02.2021)
- [3] Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. - М.: Академический Проект, 2011. 253 с.
- [4] Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без другого. // URL: <http://philology.ru/literature3/delyoz-99.htm> (дата обращения 25.02.2021)
- [5] Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая Религиозно-Философская Школа, 1999. 266 с.
- [6] Мартин Б. Два образа веры // URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/vera.txt> (дата обращения 25.02.2021)
- [7] Можейко М.А., Майборода Д.В. Другой - понятие современной философии // URL: <http://niv.ru/doc/philosophy/philosophy-history/185.htm> (дата обращения 25.02.2021)
- [8] Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт онтологической феноменологии. // URL: <http://psylib.org.ua/books/sartr03/> (дата обращения 25.02.2021)
- [9] Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного (сборник). // URL: https://akravchenko.ru/uploads/Publikacii/Ung_Ocherki_po_psihologii_bessoznatelnogo.pdf (дата обращения 25.02.2021)
- [10] Lacan J. Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Séminaire. Paris: A.L.I., 1954-1955.

Терновая Л.О.*Доктор исторических наук, профессор, Московский
автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).*

Разрушение храмов: варварство, разбой или конкуренция*

Аннотация. Храмы выступают не просто как культурная универсалия, они передают сакральный смысл культурного кода, создаваемого не только людьми, но и местом, где находится то или иное сооружение, связанное с любой религией. Разрушение храмов всегда было попыткой самоутверждения тех, кто совершал этот поступок, независимо от того, какие мотивы им двигали: геополитические или корыстные. У многих процессов разрушения храмов по прошествии небольшого времени обнаруживалась откатная волна. Но это уже не спасало исчезнувшие памятники. Отсюда важно, чтобы в комплексе памятников Всемирного культурного значения, особой строкой выделялись памятники духовного значения, сохраняющие сакральные смыслы культурного кода.

Ключевые слова: религия, политика, культурное наследие, храмы, конфликт, война.

Ternovaya L.O.*Doctor of Historical Sciences, Professor
(The Moscow Automobile and Road Construction University).*

Destruction of temples: barbarism, robbery or competition

Abstract. Temples are not just a cultural universal, they convey the sacred meaning of the cultural code, created not only by people, but also by the place where this or that structure associated with any religion is located. The destruction of temples has always been an attempt at self-assertion by those who committed this act, regardless of what motives were driving them: geopolitical or selfish. In many processes of destruction of temples, a recoil wave was found after a short time. But this no longer saved the disappeared monuments. Hence, it is important that in the complex of monuments of world cultural significance, monuments of spiritual significance that preserve the sacred meanings of the cultural code are highlighted in a special line.

Key words: religion, politics, cultural heritage, temples, conflict, war.

Человечеству давно уже следовало бы привыкнуть к тому, что каждый день, а то и каждый час оно теряет что-то связывающее его с прошлым. Это могут быть культурные артефакты, а могут — явления из мира идей. Люди по мере

своего движения по дороге Истории слишком мало проявляли заботы о сохранности имевшегося у них багажа как материального, так и идейного, а часто еще и нравственного. А ведь независимо от того, в какой области ими исполь-

* © Терновая Л.О., 2021.

Разрушение храмов: варварство, разбой или конкуренция

зовался этот багаж, он был результатом приложения и материальных усилий, и воплощением определенных замыслов, и отражением важных моральных установок. Одни потери происходили практически незаметно, буднично, повседневно, похоже на то, как выбрасывается треснувшая чашка, использованный билет, старая одежда, прочитанные газета или журнал... Но есть такие потери, которые способны привести человека ужас. Это не только утрата личного имущества. Гораздо трагичнее ощущение утраты, когда мы узнаем о разрушении того, что составляло часть общего достояния человечества.

В частности, в периоды вооруженных конфликтов невозможно привыкнуть не только к гибели людей, но и к бессмысленному уничтожению памятников материальной культуры, в том числе составляющих культурное наследие и религиозные святыни. Нельзя забыть, как талибами были взорваны гигантские статуи Будды, возраст которых датировался VI в. н. э. и которые входили в комплекс буддийских монастырей в Бамианской долине Афганистана. Мир потрясли известия об уничтожении в музее Мосула на севере Ирака боевиками запрещенного в России «Исламского государства» шумерских статуй, насчитывающих три тысячелетия. Трагичной оказалась судьба уникальных памятников древней Пальмиры, в том числе храма Баала.

Уничтожение объектов духовного поклонения изначально воспринималось как вызов, который предъявлялся не только обществу, против кого осуществлялась агрессия, но и самому губителю. То был его личный вызов собственной трусости, стремление скрыть ее за этим ярким, хоть и неприглядным поступком. Разрушителем двигало тщательно скрываемое ощущение сво-

ей малости по сравнению с уничтожаемой святыней, а то и низменное желание войти в историю, не создав что-то величественное и вечное, а уничтожив имеющее. Слава Герострата, который в 356 г. до н. э. сжег храм Артемиды в Эфесе, несмотря на запрет упоминать его имя, грела душу многим его последователям¹. В их число которых император Юстиниан, взявший восемь колонн из зеленого мрамора этого храма для строительства собора Святой Софии в Константинополе².

Парадоксально, но со временем пыл крушителей храмов не иссякал. Более того, к геополитическим или психологическим мотивам добавлялись экономические, которые инициаторы процесса умудрялись камуфлировать идейными соображениями. Именно так повели себя в конце XVIII в. революционеры во Франции, принимая антиклерикальные законы. 14 июля 1789 г. пала Бастилия, казавшаяся революционным массам оплотом монархического режима, а меньше чем через два месяца новые власти заявили, что все имущество церкви принадлежит народу, правом на сбор налогов церковь не обладает, конфискованное имущество будет распродано на аукционах. Естественно, экспроприация церковного имущества не могла решить всех экономических задач и позволить заткнуть финансовые бреши. Поэтому в этой части своей политики уничтожения прошлого якобинцы готовы были проявить гибкость. Максимилиан Робеспьер предложил верующим выкупить являвшийся «твердыней мракобесия» собор Па-

1 Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Право не быть забытым против права не помнить Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (54). С. 38-44.

2 Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / Пер. с фр. СПб.: тип. Альшулера, 1908. 687 с.

рижской Богоматери, чтобы пополнить средства, идущие на нужды революции. Затем деньги понадобились для снаряжения армии. Также обнаружилось, что оставшаяся церковная утварь может быть переплавлена на орудия. Только в 1801 г. после заключения Наполеона с папой Римским Пием VII соглашение о том, что католицизм является религией большинства французов, антицерковная деятельность во Франции утихла.

Опыт французских революционеров оказался востребованным в России, когда к власти пришли большевики. Достаточно быстро в стране развернулась атеистическая компания. Советом народных комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 г. был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, первоначально носивший название «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Но уже 26 января (8 февраля) в «Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» он был опубликован под названием, в котором утверждалось именно отделение церкви от государства и школы от церкви³. Этот документ декларировал светский характер государственной власти, он также провозглашал свободу совести и лишал религиозные организации прав собственности и юридического лица.

В 1925 г. в СССР появилась общественная организация, которая готова была возглавить борьбу с религией во всех ее формах, — Союз воинствующих безбожников⁴. В суровой послереволю-

ционной реальности, когда не хватало самого элементарного, необходимого для жизни, образ врага служил не только объяснением тяжелого положения, в котором пребывали граждане молодого Советского государства, но и обоснованием для политики изъятия у церкви ценностей и иного имущества, объявленным не имеющим художественной ценности или находившемся в ветхом состоянии. В итоге, уже в 1920-е гг. в Москве и ближнем Подмосковье полностью оказались уничтоженными 150 храмов. Еще три сотни объектов были переоборудованы под заводские цеха, клубы, общежития, склады. Часть церковных зданий стала тюремными изоляторами и колониями для несовершеннолетних и беспризорников.

В 1928 г. советские специалисты реставрационных мастерских выработали классификацию памятников, исходящую из оценки их ценностного значения. Все объекты культурного наследия распределялись по трем категориям: высшей, первой и третьей (вторая категория в классификации отсутствовала). Уникальные в историко-архитектурном отношении сооружения, являющиеся достоянием мировой культуры, относились к высшей категории. К первой категории были причислены каменные постройки, возведенные до 1613 г. и деревянные постройки до XVIII столетия, а кроме того, выдающиеся позднейшие постройки, которые выражали национальный стиль. И низшая, третья категория, присваивалась памятникам зодчества, сооруженным после 1725 г. и деревянным памятникам после 1825 г., если они сохраняли черты древнего зодчества. Также в 1928 г. вышло специальное постановление о ликвидации

3 Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286-287.

4 Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917 – 1932: сборник / Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Институт философии Коммунистической академии; под

редакцией М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М.: ОГИЗ : Государственное антирелигиозное издательство, 1932.

храмов, которые были построены позже 1825 г. В этом документе не шла речь лишь о православных церквях, классификация в равной степени оценивала буддийские дацаны, мечети, костелы и протестантские храмы. Синагоги с архитектурной точки зрения пострадали меньше, поскольку их было легче переоборудовать под дома культуры и библиотеки. По общим подсчетам, за советский период были уничтожены более 70 тысяч храмов.

В противоположность тому, как разрушали памятники архитектуры в СССР, на Западе еще до Первой мировой войны среди тех, кто оказался озабоченным проблемой сохранения культурного наследия, можно увидеть выдающихся подвижников сохранения мировой культуры, учета ее особого духовного смысла. Например, великий художник и мыслитель Николай Константинович Рерих в 1904 г., выступая с докладом в Обществе архитекторов, говорил о необходимости международной защиты культурных ценностей человечества. В 1915 г. Рерихом был представлен доклад на эту тему Николаю II и Великому Князю Николаю Николаевичу. Однако военные действия, несмотря на выраженный высочайший и широкий общественный интерес, помешали даже малейшей реализации предложений Рериха. А после окончания войны общественность к обсуждению проблемы сохранения культурного наследия подталкивали вопросы, неразрешенные Версальскими соглашениями. В апреле 1921 г. при участии Рериха в Чикаго образуется общество *Cor Ardens* («Пылающее сердце»), ставившее своей целью объединение совместных усилий тех, кто жил интересами, соприкасающимися с культурой и искусством. Мотив «пылающего сердца» — это мотив ожидания, который в тот период часто

встречался и на картинах Рериха. Например, в 1918 г. он пишет полотно с таким названием, на котором изображена женщина, из окна замка смотрящая на далекую лодку на озере. Фигура женщины, как белое пламя, устремляется навстречу сверкающим водам, передавая зрителю ожидание вести, способной преобразить все ее бытие⁵.

В 1921 г. в Нью-Йорке учреждается Институт объединенного искусства, в который вошли признанные представители различных видов художественного творчества. Летом 1922 г. Рерихом основывается общество *Corona Mundi* («Венец Мира») как международный центр искусства. На его открытии Николай Константинович говорил: «Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее неслучайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами происходит переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня»⁶.

В 1929 г., после возвращения в Америку из пятилетней экспедиции по Центральной Азии, Рерих публикует принципы Пакта защиты культурного наследия в нью-йоркской прессе, после того, как по его поручению доктор

5 Рудзитис Р. Космические струны в творчестве Николая Рериха. Минск: Звезды Гор, 2009.

6 Держава Рериха / Составитель Д.Н. Попов. М.: Изобразительное искусство, 1994. С. 235.

международного права и политических наук Парижского университета, профессор Института Высших Международных Исследований Георгий Гаврилович Шклявер разработал статьи Пакта в соответствии с международными правовыми нормами. В том же году Комитеты Пакта Рериха и Знамени мира были учреждены в Нью-Йорке, в 1930 г. — в Париже и Брюгге, в котором 13 – 15 сентября 1931 г. прошла Первая международная конференция Пакта. Через год там же была проведена Вторая конференция, основан Фонд Рериха за мир, науку, искусство и труд. В ноябре 1933 г. в Вашингтоне состоялась Третья конференция, в которой участвовали представители 36 государств. В приветствии конференции Рерих говорил: «Не случайно мир мыслит о мире, ибо действительно вражда и взаимная ненависть дошли до предела. Нарушение творческой жизни увлекает поколения в бездну одичания. Никакие поверхностные признаки цивилизации не скрывают одичания духа. В этой вражде, среди земных смятений, разрушаются истинные ценности творения духа человеческого. Не будем оглядываться назад, где столько плачевных примеров, когда людям приходилось писать памятные слова: “Разрушено человеческим неведением, восстановлено человеческою надеждою”. Именно ради этой надежды человечества на лучшее будущее, на истинный прогресс духа, необходимо охранить истинные ценности»⁷.

Все выступившие на конференции высказались за скорейшее принятие Пакта. Первым шагом к его международному признанию стала Седьмая конференция Панамериканского союза, которая рекомендовала всем его членам подписать Пакт Рериха. Пакт

был одобрен комитетом Лиги Наций по делам музеев⁸. 15 апреля 1935 г. в Белом Доме, в кабинете президента Соединенных Штатов Франклина Рузвельта Пакт был подписан США и всеми государствами Центральной и Южной Америки, являющиеся Членами Панамериканского союза.

В этом документе была закреплена символика Знамени Мира, имеющая множество толкований, среди которых самым распространенным стало соединение символов Религии, Искусства и Науки как проявлений Культуры, или Прошлых, Настоящих и Грядущих Достижений Человечества, окруженных кольцом Вечности. Рерих считал, что обе эти интерпретации в равной степени отражали синтез жизни, который он рассматривал в качестве своего руководящего принципа. Для Рериха символика Знамени Мира была близка к символике «Красного Креста». «Человечество привыкло к знаку Красного Креста, — писал он, — этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, знак культуры»⁹.

В довоенное время Пакт Рериха, или Вашингтонский пакт, получил распространение лишь в Западном полушарии. В Европе в годы Второй мировой войны от многих святынь остались одни руины. В Киеве немецко-фашистскими захватчиками почти

8 Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Вклад Лиги Наций в развитие международного права: к 100-летию организации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 2 (53). С. 105 – 110; Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Лига Наций: к 100-летию организации // Власть истории и история власти. Том 4. Часть 3. 2018. (№ 13). С. 303 – 311.

9 Рерих Н.К. О Вечном... М.: Политиздат, 1991. С. 75.

7 Держава Рериха. С. 166.

полностью был уничтожен Успенский храм Киево-Печерской Лавры, относящийся к XI в. Митрополит Николай (Ярушевич), экзарх Украины, писал: «Нельзя без пронизывающей все внутреннее существо скорби смотреть на груды развалин, высящихся на месте взорванной немцами Великой Лаврской церкви, или Успенского собора, созданного гением бессмертных строителей... Перед взрывом собора немцы вывезли ценности в крытых грузовиках.. Так называемая «Верхняя Лавра» разрушена немцами полностью. Кроме Успенского собора их руками ограблены и разбиты церкви: Больничная Никольская, Трапезная и все 33 монастырские корпуса»¹⁰. Ценнейшие с исторической и духовной точек зрения храмы были разрушены в Пскове, Смоленске, Полоцке. В Новгороде храм Спаса на Нередице XII в. был полностью уничтожен прицельным огнем.

После войны необходимость выработки согласованных международных мер по защите памятников отразилась в принятии документов международного права по проблемам культурного наследия, в частности, в мирных договорах с союзниками Германии (1947), Женевских конвенциях (1949), Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954) и др.

«Гаагская конвенция» стала важнейшим международным правовым документом, в котором была выражена озабоченность мирового сообщества судьбой культурного наследия, в ней также суммирован опыт решения конфликтных ситуаций в области сохранения и возвращения культурных цен-

ностей. Согласно Гаагской конвенции, культурные ценности отделялись от своего происхождения и владельца, что давало возможность рассматривать их как всемирное культурное достояние¹¹. В Конвенции речь идет о защите, охране и уважении культурных ценностей. Вместе с тем, в статье 4 содержится положение о возможности нарушения обязательств по отношению к культурным ценностям, если военная необходимость настоятельно требует такого нарушения. Однако предусматривалось предоставление специальной защиты, обеспечивающей иммунитет культурных ценностей. По Гаагской конвенции, был установлен отличительный знак культурных ценностей в виде щита, заостренного снизу, разделенного на четыре части синего и белого цвета. В отличие от Знамени Мира Рериха, в котором был и религиозный смысл, этот знак имел другое прочтение, связывая защиту памятников исключительно с интеллектуальной деятельностью, символизируемой синим цветом. И хотя форма знака Гаагской конвенции восходит к традиционной рыцарской форме щита, в случае вооруженного конфликта часто одного рыцарского духа и интеллектуальных усилий для защиты культурных объектов от разрушения, в том числе религиозных памятников, не хватает.

Слабость правовой и моральной защищенности любых объектов культурного наследия, в том числе относящихся к религиозной сфере, во всей своей горькой полноте обнаружилась в ближневосточных конфликтах. В сентябре 2014 г. боевики запрещенной в России

¹⁰ Цит. по: Якунин В.Н. За веру и Отечество: Деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. Самара: Журнал «Духовный собеседник», 1995. С. 8.

¹¹ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Исполнительный Регламент и Протокол, 14 мая 1954 г. // ЮНЕСКО. URL:<http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf>.

террористической организации ИГИЛ, контролирующей иракский город Тикрит, уничтожили один из самых древних христианских храмов на Ближнем Востоке — «Зеленую церковь», которая находилась в центре города на территории президентского дворца. Храм был памятником VII в. и важнейшим местом богослужения верующих Ассирийской Церкви Востока. В июле 2015 г. во время взрыва христианского храма «Мать помощи» в Мосуле погибли четверо детей, находившиеся рядом со зданием церкви. На территории Сирии осенью 2014 г. в Дейр-эз-Зоре боевики уничтожили с помощью взрывчатки собор Святых Великомучеников, в котором хранились данные об армянах, погибших в пустынях Дейр-эз-Зора во время геноцида армян. Весной 2015 г. были разрушены: армянская церковь Сорока мучеников в Алеппо; церковь святого Мар Беешо в ассирийской христианской деревне Тель-Шамира; церковь Девы Марии в деревне Тель-Насри; одна из древнейших церквей, воздвигнутая более двух тысяч лет назад, где хранились уникальные камни для жертвоприношений, — храм святых Саркиса и Бахуса — в арамейской деревне Маалюля; католический монастырь святого Элиана в городе Эль-Карьятайн. После освобождения этих населенных пунктов от террористов сами жители взялись за восстановление храмов, объединяясь для этого в волонтерские организации, например, в волонтерскую группу «Герб Мосула», участники которой, работая на расчистке завалов на территории церквей, стремятся поддержать усилия местного христианского сообщества по восстановлению храмов и этим также показать бежавшим из города представителям религиозных меньшинств, что обстановка изменилась и они могут возвращаться в свои дома.

Очередное разрушение храмов произошло в период обострения конфликта в Нагорном Карабахе. Собор Святого Христа Всеспасителя, который строился с 1858 по 1887 гг. зодчим Симеоном Тер-Акобянцем, называли главным символом Шуши. В советский период храм использовался в качестве амбара и гаража, а в период конфликта 1992 – 1994 гг. в нем находился азербайджанский склад ракет системы «Град». Затем собор был восстановлен и с 1998 г. являлся действующим храмом. 8 октября 2020 г. собор вновь был обстрелян. Вскоре после этого в древнем храме города Шуши в исполнении Севака Аванесяна, виолончелиста из Бельгии, прозвучала мелодия «Крунк» («Журавль»), авторство которой принадлежит великому армянскому композитору Комитасу, вдохновленному народной песней, рассказывающей о трагедии народа, подвергшегося геноциду.

О том, что храмы, разоренные войной или приведенные в запустение людьми, могут плакать, рассказывают деятели искусства, которые все чаще устраивают в этих местах концерты музыкальных произведений. В России к пятилетию журнала *Arzamas* появился спецпроект «Музыка в затерянных храмах», созданный вместе с фестивалем «Музыкальная экспедиция». В честь дня рождения журнала музыканты Борис Андрианов, Аркадий Шилклопер, Александр Маноцков «оживили» заброшенные церкви Верхневолжья. Песни и композиции прозвучали в церкви Богоявления Господня села Еськи, церкви Рождества Христова села Теблеша Бежецкого района, церкви Дмитрия Солунского в деревне Печетово Кимрского района, церкви Владимирской иконы Божией Матери села Горницы Кувшиновского района и в Смоленской церкви села Пятница-Плот Торжокского района.

Часто памятники становятся спорными объектами разных религий. В войнах победители стремились доказать свою силу, не просто взяв города, но и подчинить храмы своей религии. Один из самых известных примеров — история собора Святой Софии в Стамбуле. До сих пор в храме на высоте примерно четырех метров от пола можно разглядеть отпечаток руки. Согласно греческой легенде, в 1453 г. во время этой последней литургии над молящимися появилась Богородица, которая простерла свой покров над христианами и прикоснулась своей рукой к одной из стен. По турецкой версии, это — отпечаток руки султана Мехмеда II, взявшего Константинополь. Турки ворвались в храм во время литургии и перерезали всех молящихся, поэтому султану пришлось въезжать внутрь по трупам, которых и испугался его конь, встав на дыбы. Тогда султан, чтобы не упасть, оперся рукой о стену, оставив на ней свой кровавый отпечаток. Есть и еще одна легенда, рассказывающая, как для того, чтобы превратить православный храм в мечеть Мехмед II повелел обмыть все здание храма от самого купола розовой водой, чтобы убрать дух неверных. Этот собор уже в более позднее время становился музеем, затем недавно был вновь превращен в мечеть. Но главное, сам храм стоит на том месте, где его увидели основатели и куда веками приходили верующие. Поэтому время само сможет распорядиться, когда и кому будут в нем молиться. Хуже, когда от храмов остаются одни руины, или когда смысл веры заменяется смыслом денег. Так, в связи с празднованием 350-летия мавзолея Тадж-Махал на памятник обратила внимание мусульманская организация *The Sunni Waqf Board (SWB)*, обосновывая свои претензии тем, что на территории ком-

плекса Тадж-Махал находятся мечеть и несколько мусульманских могил. При этом выяснилось, что под правом собственности SWB понимает возможность получения части доходов от продажи билетов и другой коммерческой деятельности, касающейся посещения мавзолея туристами¹².

Храмы, независимо от религии, к которой они относятся, составляют ценнейшую часть всемирного культурного наследия. Его ценность помимо художественной заключается еще и в том, что по изменению отношения к памятникам можно судить о трансформации самосознания человека. Уничтожение храмов — это попытка изменения культурного кода. Революционные перемены начала прошлого столетия сопровождались экспериментами, основанными на отрицании культуры прошлого, в том числе передаваемого языком религии. Конец того века показал примеры запоздалого раскаяния: стали восстанавливаться храмы, возвращаться связанные в религиозными праздниками обряды и т.д. Однако оказалось, что в этом процессе больше показного, чем истинного отношения к тому, какой смысл несли в себе храмы как элемент культурного кода, выражение сакральности в повседневной жизни людей, универсалия культуры¹³. Поэтому когда на прежнем месте воссоздается храм, всем своим обликом отсылающий к своему исчезнувшему оригиналу, он транслирует иные смыслы, чем его предшественник, поскольку создавался другими мастерами и в другую эпоху. Пройдет какое-то время и реконструированное сооружение наберет свой опыт общения с людьми, а,

12 Мусульмане требуют назад Тадж-Махал // Коммерсантъ-власть. 2005. № 10. С. 47.

13 Авдеев В.М. Храм как универсалия культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 3. С. 227-233.

может, впитает из окружающей среды забытые воспоминания раннего храма. Но новому храму не суждено тот первоначальный полностью заменить, а потому он может служить знаком раскаяния, но вряд ли — прощения.

References

- [1] Avdeev V.M. Temple as a universal of culture // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2017. Vol. 18. № 3. P. 227-233.
- [2] Militant atheism in the USSR for 15 years. 1917 - 1932: collection / Central Council of the Union of Militant Atheists and the Institute of Philosophy of the Communist Academy; edited by M. Enisherlov, A. Lukachevsky, M. Mitin. M.: OGIZ: State anti-religious publishing house, 1932. 525 p.
- [3] Gol'din G.G., Ternovaya L.O. Contribution of the League of Nations to the development of international law: to the 100th anniversary of the organization // Proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2019. № 2 (53). P. 105-110.
- [4] Gol'din G.G., Ternovaya L.O. League of Nations: to the 100th anniversary of the organization // Power of history and history of power. 2018. Vol. 4. Part 3. № 13. P. 303-311.
- [5] Gol'din G.G., Ternovaya L.O. The right not to be forgotten versus the right not to remember // Proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2020. № 2 (54). P. 38-44.
- [6] The Roerich State / Compiled by D.N. Popov. Moscow: Fine Arts, 1994. 444 p.
- [7] Dil S. Justinian and Byzantine civilization in the VI century / Per. with fr. SPb.: type. Altshtuler, 1908. 687 p.
- [8] Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. Executive Order and Protocol, May 14, 1954 // UNESCO. // URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf>.
- [9] Muslims demand the Taj Mahal back // Kommersant-power. 2005. № 10. P. 47.
- [10] On the separation of church from state and school from church // Collection of legalizations and government orders for 1917-1918. Moscow: Administration of the USSR Council of People's Commissars, 1942. P. 286-287.
- [11] Roerich N.K. About the Eternal ... M.: Politizdat, 1991. 462 p.
- [12] Rudzitis R. Cosmic strings in the works of Nicholas Roerich. Minsk: Zvezdy Gore, 2009. 170 p.
- [13] Yakunin V.N. For Faith and Fatherland: Activities of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War. Samara: Journal «Spiritual interlocutor», 1995. 169 p.

Список литературы

- [1] Авдеев В.М. Храм как универсалия культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 3. С. 227-233.
- [2] Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917 – 1932: сборник / Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Институт философии Коммунистической академии; под редакцией М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М.: ОГИЗ: Государственное антирелигиозное издательство, 1932. 525 с.
- [3] Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Вклад Лиги Наций в развитие международного права: к 100-летию организации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 2 (53). С. 105-110.
- [4] Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Лига Наций: к 100-летию организации // Власть истории и история власти. 2018. Том 4. Часть 3. № 13. С. 303-311.
- [5] Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Право не быть забытым против права не помнить // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (54). С. 38-44.
- [6] Держава Рериха / Составитель Д.Н. Попов. М.: Изобразительное искусство, 1994. 444 с.
- [7] Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / Пер. с фр. СПб.: тип. Альтшюлера, 1908. 687 с.
- [8] Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Исполнительный Регламент и Протокол, 14 мая 1954 г. // ЮНЕСКО. // URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf>.
- [9] Мусульмане требуют назад Тадж-Махал // Коммерсантъ-власть. 2005. № 10. С. 47.
- [10] Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286-287.
- [11] Рерих Н.К. О Вечном... М.: Политиздат, 1991. 462 с.
- [12] Рудзитис Р. Космические струны в творчестве Николая Рериха. Минск: Звезды Гор, 2009. 170 с.
- [13] Якунин В.Н. За веру и Отечество: Деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. Самара: Журнал «Духовный собеседник», 1995. 169 с.

Abstracts

Li Linsong

Alekseev-Apreksin A.M.

The phenomenon of cyberbuddism in modern China

The article represents an analysis of the spread of the Buddhist religion in cyberspace. The author provides a brief description of modern communities of monks who use information technology to spread knowledge outside of China. The article also focuses on social networks, which provide an opportunity to share religious texts, hold services, give lectures, etc. Examples of blogs of famous Buddhists in China provide an opportunity to conclude that religion and technology do not exist as different spheres of knowledge and experience.

Key words: China, cyber-Buddhism, religion, information technology, social networks, pilgrimage.

Tsyden-Yeshieva B.V.

Islam and Islamism. The problems of perception in contemporary society

The problems of terrorism, hanging labels based on nationality and religion, incorrect use of words and terms reached so high risky level, so that it can not be ignored in our so-called civilised humane society. Article analyses such terms like Islam, Islamism, Terrorism and World Order. Specifically article covers the questions of how we perceive and use these terms, pointing attention on the fundamental differences of the terms. Despite of the common belief into tight connection of Islam with Terrorism, article aimed at correction of common perceive and defend civil right of people who can be bullied on the streets of countries and at the campuses of universities based on their religion and nationality.

Article involves comparative methods of term analysis, main resources are not only social media and non profit organisation's analytical researches, but deficiently are scientific researches of foreign and Russian experts in the areas of international security, regional studies and political science. Major goal, and accordingly conclusion of the article is the fact of absolutely difference of the terms Islam and Islamism. More over incorrect use of important political definitions can bring huge risks for contemporary society, that cause interethnic and inter country conflicts. Current topic of the article is directly connected with International security.

Key words: Islam, Islamism, Religion, Terrorism, Terrorist, International relations, International Security, Political course, Islamic Caliphate, World Order.

Miao Hui

Zhang Yangyang

The image of the dragon in the works of Vsevolod Ivanov and Arseny Nesmelov

The image of a dragon is a symbol of the thousand-year spiritual development of Chinese culture. This image has formed a special system of meanings and iconographic models with a unique oriental flavor. Against the Chinese cultural background, in the Chinese cultural context, this ancient topic gets a new reading and deserves a deeper study. The article examines the image of a dragon with a "Chinese national flavor" in the works of Ivanov and Arseny Nesmelov. These verses are three-dimensional. It is formed by: Chinese historicity, Chinese landscape and Chinese emotionality.

Key words: Chinese culture; the image of a dragon; Vsevolod Ivanov; Arseny Nesmelov; creation.

Li Zhuowei

Matryoshka in China

Traditional souvenirs are special because the history of nations goes back more than a century, and during that time there have been many events that, in one way or another, have been reflected in the nation's creation. The most common and well-known souvenirs are unpretentious toys, which have a unique energy and inexplicably attract. A national toy reflects in its own way the society, way of life, mores and customs, achievements in craftsmanship, technology and art. Every nation created its own toys, conveying their world view. Toys from different countries and continents are different and unique, but there are some common features. Many nations of the world have similar toys, with similar designs, figures and decorations. This similarity is explained by the commonality of cultural traditions: a common nature of the aesthetic sense.

The sleek and sturdy Russian matryoshka is a common image in China. Matryoshka, like vodka, ballet and Moscow Nights, has become an important cultural element, contributing to deepening friendship between the Russian and Chinese peoples. The article deals with the existence of traditional and author matryoshkas as a phenomenon of popular culture. Examples of matryoshkas are described. The features of painting matryoshkas

in the process of creative experiment in arts and crafts and design are revealed. The pedagogical conditions contributing to the creative process are indicated.

Key words: matryoshka doll, decorative-applied art, China, folk art, design, art education.

Peng Yongtao

Substantiation of the theory of the relationship between the author and the hero M.M. Bakhtina

The article examines the issue of justifying M.M. Bakhtin's theory of the relationship between the author and the hero at different and later stages of the development of this concept. The author focuses on the fact that, within the framework of his explanatory model, M.M. Bakhtin combined the category of "being" with human behavior, positioning the individual as a special value center of the architectonics of an object in aesthetic activity, and also introduced the definition of "out-of-accessibility" into scientific circulation. At the same time, the thinker was able to interpret the phenomenon of human life as a cultural phenomenon within the framework of his perception. Within the framework of the described system of interpretation of the text (as a set of interrelated signs) M.M. Bakhtin was able to argue the thesis that if the creator wants to reveal his image, he must become in relation to himself in a position of being outside, looking at himself from the outside. This position gives the subject the opportunity to identify with another person, with a subsequent return to the author's vision.

Key words: Bakhtin, outsideness, polyphony, logical speculation, author, hero, aesthetic activity.

Fu Zhongfeng

Xie Hui

**To the question of the cultural value of studying
the peculiarities of producing and decorating the suit by the representatives
of the little ethnic forest hunters of the Amur river basin**

This article aims to reveal the peculiarities of manufacturing and decoration of the national costume of the small Chinese ethnic group. The author of the work emphasizes that the culture of forest hunters in the Amur River basin is an essential component of the overall cultural picture of the Chinese nation. In this regard, the article substantiates the need for an in-depth study of the traditions of creating and decorating a costume by folk craftsmen, and considers the aesthetic value of the elements of clothing decorations used by them. The paper concludes that the study of the design features of national costumes contributes to the popularization of ethnic art, as well as Chinese culture in general.

Key words: ethnic minorities of China, Amur river basin, fine art of folk costume, ethnic art, national drawing, national identity of a small ethnic group.

Cui Jiawen

Sun Yat-sen's concept of national and cultural identities

This article is devoted to the analysis of the concept of national and cultural identities of the famous Chinese revolutionary Sun Yat-sen. The author analyzes the processes of the three-stage evolution of Sun Yat-sen's concept of national identity. Attention is paid to the analysis of the relationship between the ideas of the democratic revolution of Sun Yat-sen and traditional Confucian political philosophy. The author also analyzes the meaning of the socio-political ideal of Sun Yat-sen. The author concludes that the last stage of Sun Yat-sen's national identity is the creation of Chinese nation, which strengthened the national consciousness of the Chinese people, significantly contributed to the social integration of Chinese society; in the democratic revolution, Sun Yat-sen combined his ideas of the democratic revolution and Confucian culture, turned to traditional Confucian values; the Confucian political ideal Da Tong (Great Unity) deeply influenced the formation of the concept of Sun Yat-sen's cultural identity; as one of the most influential political figures and thinkers in China, Sun Yat-sen created the Republic of China, made a significant contribution to the modernization of the political and economic systems in China, and had an extremely important influence on the development of Chinese history. In contemporary times in China, Sun Yat-sen's concept of national and cultural identities continue to play important roles in preserving the political and state identities of the Chinese people.

Key words: national identity, Three Principles of the People, Chinese nation, Confucianism, values, cultural identity, Great Unity.

Korkiya E.D.

Sociocultural transformations of society as a precondition for loneliness of the older generation

The presented article examines the problem of social loneliness of older people. The approaches to deter-

mining the periodization of old age are analyzed. The ways and means of socialization of the older generation are considered, as well as the role of close individual social institutions, such as the state and the family, in this process.

Key words: social loneliness, old age, third age, social institution, family, society, socio-cultural transformations, modernity.

Evdokiya I.L.

Yaroslavskaya I.I.

Gerasimenko T.L.

Kovalchuk S.V.

Linguocultural aspect of communication in the modern world of globalisation

The key issue of the paper is the research of fundamental principles and issues of intercultural communication. It proposes to develop some academic perception of an appreciation for different cultural perspectives and values. The research object of the investigation is the national mentality as an example of its expressions in intercultural communication. The article defines theoretical approaches to the study of cultural communication concept. Based on the analysis of scientific literature and conducted expert survey, the author analyzes the problems arising in intercultural communications. Three basic categories in intercultural environment are identified, namely: language problems, cultural problems and personal perception problems.

Key words: intercultural communication, human factor, multicultural environment, benefit, cultural competence, discourse competence.

Rudenko A.V.

The problem of the "Other" from the standpoint of modern philosophical schools

Relevance. The philosophical category "Other" is the most important element of the social and communicative space, which determines the degree of social integration, through the perception of how the "I" "relates to the"Other". The possibility of the identity of the "I" and the "Other", the relationship of the "I" and the "Other", the acceptance of the "Other" as an equal, are the most important philosophical problems that require philosophical reflection. This is especially true in the current social formation, characterized by a high degree of digitalization and informatization of communication processes.

The object of the study. The subject, as a philosophical and anthropological category of social and communicative space.

The subject of the study. The concept of the "Other" in the frame of modern philosophical thought.

The purpose of the study. It consists in a philosophical understanding of the category of "Other" as an inherent feature of modern socio-communicative aspects of an individual's existence.

Research objectives. They consist in revealing the form and content of the category "Other" at the present stage of the development of society.

Research methodology. Theoretical and heuristic methods of a descriptive nature are used, using an axiological approach, based on generally recognized methods of scientific knowledge: analogy, abstraction, deduction, abstraction, conditioned by the phenomenological and systemic principles of research.

The results of the study. They are expressed in the detection of the category "Other", from the point of view of modern philosophical schools.

Key words: self-existence, I, YOU, self-awareness, self-awareness, identity, anthropology.

Ternovaya L.O.

Destruction of temples: barbarism, robbery or competition

Temples are not just a cultural universal, they convey the sacred meaning of the cultural code, created not only by people, but also by the place where this or that structure associated with any religion is located. The destruction of temples has always been an attempt at self-assertion by those who committed this act, regardless of what motives were driving them: geopolitical or selfish. In many processes of destruction of temples, a recoil wave was found after a short time. But this no longer saved the disappeared monuments. Hence, it is important that in the complex of monuments of world cultural significance, monuments of spiritual significance that preserve the sacred meanings of the cultural code are highlighted in a special line.

Key words: religion, politics, cultural heritage, temples, conflict, war.

Аннотации

Ли Линьсун

Алексеев-Апраксин А.М.

Феномен кибербуддизма в современном Китае

Настоящая статья представляет собой анализ распространения религии буддизма в киберпространстве. Автором приводится краткая характеристика современных сообществ монахов, которые используют информационных технологии для распространения знаний за пределами Китая. В статье также акцентировано внимание на социальных сетях, которые предоставляют возможность делиться религиозными текстами, проводить служения, давать лекции и т. д. Примеры блогов известных в Китае буддистов предоставить возможность сделать вывод о том, что религия и технология не существуют как разные сферы знания и опыта.

Ключевые слова: Китай, кибербуддизм, религия, информационные технологии, социальные сети, паломничество.

Цыден-Ешиева Б.В.

Ислам и Исламизм. Проблемы восприятия понятий в современном мире

Проблемы терроризма, навешивания ярлыков на людей по признаку национальности и вероисповедания, и необдуманное использование терминов достигли такого уровня непонимания, что не могут существовать в нашем так называемом культурном глобальном мире.

Данная статья изучает термины Ислам и Исламизм, Терроризм и Мировой порядок, проблему их восприятия в современном мире, а именно акцентирует внимание на существенных основополагающих различиях данных терминов. Несмотря на популярное мнение о тесной связи религии Ислам и Терроризма, данная статья пытается внести коррективы в общественное мнение и защитить естественные и гражданские права мусульман не быть и не становиться жертвами общественного мнения и называться террористами на улицах городов.

В статье используются сравнительные методы анализа терминов, основными источниками информации для данной статьи послужили не только СМИ и аналитические труды неправительственных организаций, но и научные труды иностранных и российских экспертов в области международной безопасности, регионоведения и политологии.

Основной целью и заключением статьи является факт абсолютного различия понятий Ислам и Исламизм. Некорректное использование таких важных терминов несет за собой огромные риски для современного общества, которые порождают межнациональные и межстрановые конфликты, что напрямую связано с международной безопасностью.

Ключевые слова: Ислам, Исламизм, религия, Терроризм, Террорист, Международные отношения, Международная безопасность, Политический курс, Политическая идеология, Исламский Халифат, Миропорядок.

Мяо Хуэй

Чжан Яньян

Образ дракона в творчестве Всеволода Иванова и Арсения Несмелова

Образ дракона - символ тысячелетнего духовного развития китайской культуры. Этот образ сформировал особую систему смыслов и иконографических моделей, обладающих уникальным восточным колоритом. На китайском культурном фоне, в китайском культурном контексте, это древняя тема получает новое прочтение и заслуживает более глубокого изучения. В статье рассматриваются образ дракона, обладающий «китайским национальным колоритом», в произведениях Иванова и Арсения Несмелова. Эти стихи обладают трёхмерностью. Ее образуют: китайская историчность, китайский пейзаж и китайская эмоциональность.

Ключевые слова: китайская культура; образ дракона; Всеволод Иванов; Арсений Несмелов; творчество.

Ли Чжуовэй

Матрешка в Китае

Традиционные сувениры – это особенные сувениры в части межкультурного взаимодействия,

ведь история государств насчитывает не одно столетие, и за это время произошло множество событий, которые, так или иначе, получили своё отражение в национальном созидании. Наиболее распространёнными и известными памятными изобретениями являются незатейливой красоты игрушки, которые обладают уникальной энергетикой и необъяснимо притягивают к себе. В национальной игрушке по-своему отражаются общественный уклад, быт, нравы и обычаи, достижения ремесла, техники и искусства. Каждый народ создавал собственные игрушки, передавая в них своё мироощущение. Игрушки разных стран и континентов различны и своеобразны, но есть в них общие черты. У многих народностей мира встречаются однотипные игрушки, со сходством конструкций, фигур и декора. Это подобие объясняется общностью культурных традиций: единым естественным эстетическим чувством.

Гладкая и крепкая русская матрешка - распространённый образ в Китае. Матрешка, как водка, балет и «Подмосковные Вечера», стала важным культурным элементом, способствующим углублению дружбы между русским и китайским народами. В статье рассмотрены вопросы существования традиционной и авторской матрешки как явления народной культуры. Описываются примеры выполнения авторской матрешки. Раскрываются особенности росписи матрешки в процессе творческого эксперимента в декоративно-прикладном искусстве и дизайне. Указываются педагогические условия, способствующие творческому процессу.

Ключевые слова: матрешка, декоративно-прикладное искусство, Китай, народное искусство, дизайн, художественное образование.

Пэн Юнтао

Обоснование теории взаимоотношений автора и героя М.М. Бахтина

В статье исследуется вопрос обоснования М.М. Бахтиным теории взаимоотношений автора и героя на разных и поздних этапах развития данной концепции. Автор акцентирует внимание на том, что в рамках своей объяснительной модели М.М. Бахтин объединил категорию «бытие» с человеческим поведением, позиционируя индивида как особый ценностный центр архитектоники объекта в эстетической деятельности, а также ввел в научный оборот дефиницию «внеаходимость». Одновременно мыслитель сумел интерпретировать феномен человеческой жизни как феномен культуры в рамках его восприятия. В рамках описанной системы истолкования текста (как совокупности взаимосвязанных знаков) М.М. Бахтин сумел аргументировать тезис о том, что если творец хочет раскрыть свой образ, он должен стать по отношению к себе в позицию внеаходимости, взглянув на себя со стороны. Данная позиция дает субъекту возможность отождествления с другим человеком, с последующим возвращением к авторскому видению.

Ключевые слова: Бахтин, внеаходимость, полифония, логическая спекуляция, автор, герой, эстетическая деятельность.

**Фу Чжунфэн
Сей Хуэй**

К вопросу о культурной ценности изучения особенностей изготовления и оформления костюма представителями малого этноса лесных охотников бассейна реки Амур

Настоящая статья имеет своей целью раскрытие особенностей изготовления и художественного оформления национального костюма малого китайского этноса. Автором работы сделан акцент на том, что культура лесных охотников бассейна реки Амур является важнейшим компонентом общей культурной картины китайской нации. В связи с этим в статье обосновывается необходимость глубинного изучения традиций создания и декорирования костюма народными умельцами, рассматривается эстетическая ценность используемых ими элементов украшений одежды. В работе сделан вывод о том, что исследование особенностей оформления национальных костюмов способствует популяризации этнического искусства, а также китайской культуры в целом.

Ключевые слова: этнические меньшинства Китая, бассейн реки Амур, изобразительное искусство народного костюма, этническое искусство, национальный рисунок, национальное самосознание малого этноса.

Цуй Цзявэнь**Концепция национальной и культурной идентичностей Сунь Ятсена**

Данная статья посвящается анализу концепции национальной и культурной идентичностей известного китайского революционера Сунь Ятсена. В статье рассмотрены процессы трехэтапной эволюции его концепции национальной идентичности. Большое внимание автора уделено на анализ взаимоотношений идей демократической революции Сунь Ятсена и традиционной конфуцианской политической философии. В статье также выяснено содержание общественно-политического идеала Сунь Ятсена. Автор делает вывод о том, что последний этап национальной идентичности Сунь Ятсена – создание единой китайской нации укрепило национальное самосознание китайского народа, значительно содействовало социальной интеграции китайского общества; Сунь Ятсен сочетал свои идеи демократической революции и конфуцианскую культуру, обратился к традиционным конфуцианским ценностям в демократической революции; конфуцианский политический идеал Да Тун (Великое единение) глубоко повлиял на формирование концепции культурной идентичности Сунь Ятсена; как один из самых видных политических деятелей и мыслителей Китая, Сунь Ятсен создал Китайскую Республику, внёс значимый вклад в проведение модернизации политической и экономической систем в Китае, оказал чрезвычайно важное влияние на процесс развития китайской истории. В современном Китае концепция национальной и культурной идентичностей Сунь Ятсена продолжают играть роль в сохранении политической и государственной идентичностей китайского народа.

Ключевые слова: национальная идентичность, три народных принципа, китайская нация, конфуцианство, ценности, культурная идентичность, Великое единение.

Коркия Э.Д.**Социокультурные трансформации общества
как предпосылки одиночества старшего поколения**

В представленной статье рассматривается проблема социального одиночества людей старшего поколения. Анализируются подходы к определению периодизации старости. Рассматриваются пути и способы социализации старшего поколения, а также роль в указанном процессе близких индивида социальных институтов, таких как государство и семья.

Ключевые слова: социальное одиночество, старость, третий возраст, социальный институт, семья, общество, социокультурные трансформации, современность.

Лобанова Е.И.Ярославская И.И.Герасименко Т.Л.Ковальчук С.В.**Лингвокультурологический аспект
коммуникации в современном мире глобализации**

В данной статье рассматривается исследование фундаментальных принципов и проблем межкультурной коммуникации. Предполагается изучить научное восприятие оценки различных культурных перспектив и ценностей. Объектом исследования является национальный менталитет как пример его проявления в межкультурной коммуникации. В статье определены теоретические подходы к изучению концепции культурной коммуникации. На основе анализа научной литературы и проведенного экспертного опроса авторы анализируют проблемы, возникающие в межкультурной коммуникации. С научной точки зрения выделяются три основные категории межкультурной среды: языковые проблемы, культурные проблемы и проблемы личностного восприятия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, человеческий фактор, поликультурная среда, благо, культурологическая компетенция, дискурсивная компетенция.

Руденко А.В.**Проблема «Другого» с позиций современных философских школ**

Актуальность. Философская категория «Другой» важнейший элемент социально – коммуникативного пространства, определяющий степень социальной интеграции, через восприятие того, как «Я» соотносится с «Другим». Возможность тождественности «Я» и «Другого», отношение «Я» и «Другого»,

принятие «Другого» как равного себе, важнейшие философские проблемы, требующие философского осмысления. Это особенно актуально в сложившейся общественной формации, характеризующейся высокой степенью цифровизации и информатизации коммуникативных процессов.

Объект исследования. Субъект, как философско – антропологическая категория социально – коммуникативного пространства.

Предмет исследования. Концепция «Другого» во фрейме современной философской мысли.

Цель исследования. Заключается в философском осмыслении категории «Другой», как ингерентного признака современных социо-коммуникативных аспектов бытия индивида.

Задачи исследования. Заключаются в раскрытии формы и содержания категории «Другой» на современном этапе развития общества.

Методология исследования. Использованы теоретико-эвристические методы дескриптивного характера, с использованием аксиологического подхода, базирующиеся на общепризнанных методах научного познания: аналогии, абстрагирования, дедукции, абстракции, обусловленные феноменологическими и системными принципами исследования.

Результаты исследования. Выражаются в детекции категории «Другой», с позиции современных философских школ.

Ключевые слова: самобытие, я, ты, самоосознанность, самоданность, тождественность, антропология.

Терновая Л.О.

Разрушение храмов: варварство, разбой или конкуренция

Храмы выступают не просто как культурная универсалия, они передают сакральный смысл культурного кода, создаваемого не только людьми, но и местом, где находится то или иное сооружение, связанное с любой религией. Разрушение храмов всегда было попыткой самоутверждения тех, кто совершал этот поступок, независимо от того, какие мотивы им двигали: геополитические или корыстные. У многих процессов разрушения храмов по прошествии небольшого времени обнаруживалась откатная волна. Но это уже не спасало исчезнувшие памятники. Отсюда важно, чтобы в комплексе памятников Всемирного культурного значения, особой строкой выделялись памятники духовного значения, сохраняющие сакральные смыслы культурного кода.

Ключевые слова: религия, политика, культурное наследие, храмы, конфликт, война.

Authors

Alekseev-Apreksin A.M., Doctor of Cultural Studies, Professor of UNESCO Department of Comparative Studies of Spiritual Traditions, Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics. Saint Petersburg State University.

Fu Zhongfeng, Professor, Heihe University, Heihe City (China).

Gerasimenko T.L., Senior Lecturer. Department of Foreign Languages №2. Plehanov Russian Economic University.

Korkiya E.D., PhD, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology of Communicative Systems of the Sociological Faculty. Lomonosov Moscow State University.

Kovalchuk S.V., Senior Lecturer. Department of Foreign Languages №2. Plehanov Russian Economic University.

Li Linsong, Master's degree, postgraduate student. Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.

Li Zhuowei, Undergraduate student. Saint Petersburg Polytechnic University Peter the Great Polytechnic University.

Lobanova E.I., PhD, Associate Professor. Department of Foreign Languages №2. Plehanov Russian Economic University.

Miao Hui, Candidate of Cultural Studies, Professor. Qiqihar University, Center for the Study of Slavic Countries under the Ministry of Education of the PRC on the basis of the Institute of Slavic Languages. Harbin Normal University, China.

Peng Yongtao, Doctoral student, Heilongjiang University, Harbin, China.

Rudenko A.V., Chairman of the Board, RCFSSPHP "BLAGOVEST".

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Tsyden-Yeshieva B.V., PhD student of International relations and Public affairs of Shanghai International Studies University.

Xie Hui, Professor, Heihe University, Heihe City (China).

Yaroslavskaya I.I., Senior Lecturer. Department of Foreign Languages №1. Plehanov Russian Economic University.

Zhang Yangyang, Postgraduate student, Qiqihar University, China.

Авторы

Алексеев-Апраксин А.М. - доктор культурологии, профессор ЮНЕСКО кафедры компаративных исследований духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета.

Герасименко Т.Л. - старший преподаватель кафедры Иностранных языков №2. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Ковальчук С.В. - старший преподаватель кафедры Иностранных языков №2. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Коркия Э.Д. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Линьсун - магистр, аспирант. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Ли Чжуовэй - студент бакалавр. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Лобанова Е.И. - кандидат социологических наук, доцент кафедры Иностранных языков №2. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Мяо Хуэй - кандидат культурологии, профессор. Цицикарского университета, Центр исследования славянских стран при Министерстве образования КНР на базе Института славянских языков. Харбинского педагогического университета, КНР.

Пэн Юнтао - докторант Хэйлунцзянского университета, Харбин, КНР.

Руденко А.В. - председатель Правления РОФПСППМ «БЛАГОВЕСТ».

Сей Хуэй - профессор. Хэйхэский университет, провинции Хэйлунцзян, КНР.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Фу Чжунфэн - профессор. Хэйхэский университет, провинции Хэйлунцзян, КНР.

Цыден-Ешиева Б.В. - студент докторантуры Института Международных отношений и связей с общественностью при Шанхайском Университете Иностранных Языков (ШУИЯ).

Чжан Янъян - аспирант Цицикарского университета, КНР.

Ярославская И.И. - старший преподаватель кафедры Иностранных языков №1. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.